

БЕСТСЕЛЛЕР AMAZON CHARTS

ЯЩИК ПАНДОРЫ

ГОЛОВОЛОМКА

ЛУАНН РАЙС

Триллер-головоломка

Луанн Райс
Ящик Пандоры

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Райс Л.

Ящик Пандоры / Л. Райс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Триллер-головоломка)

ISBN 978-5-17-138249-0

После того как на художницу Клэр Бодри Чейз напали и оставили умирать в её собственном доме на побережье Коннектикута, она больше не знает, кому может доверять. Её главный подозреваемый – собственный муж Гриффин, обладающий хорошими связями кандидат на кресло губернатора штата. Перед самым нападением Клэр готовила выставку, один из экспонатов которой открыто обвиняет Гриффина в жестоком преступлении, совершённом двадцать пять лет назад. Если о нём станет известно публике, политической карьере её мужа наступит конец. Клэр не сомневается, что её муж и его могущественные сторонники с лёгкостью убьют её, чтобы скрыть правду. Когда одну из знакомых Клэр убивают, полиция пытается связать преступление с нападением на саму художницу. По мере того как идёт расследование, Клэр должна решить, сколько она готова потерять, чтобы остановить своего мужа и его сторонников, которые пойдут на что угодно, чтобы защитить Гриффина и свои интересы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-138249-0

© Райс Л., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Нападение	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	29
За пять дней до нападения	32
Глава 8	32
Спустя день после нападения	41
Глава 9	41
Глава 10	46
За четыре дня до нападения	48
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Луанн Райс

Ящик Пандоры

Посвящается Морин и Оливье Онорато

Luanne Rice
THE SHADOW BOX

Серия «Триллер-головоломка»

Публикуется с разрешения Amazon Publishing, www.apub.com, при содействии Литературного агентства «Синописис»

Перевод с английского *Елены Ковалевой*

© 2021 by Luanne Rice
© Ковалева Е., перевод 2021
© ООО «Издательство АСТ», 2022

Нападение

Глава 1

Клэр

Я умерла, а теперь снова и снова переживаю свою смерть. Хотя мое отсутствие в этом мире остаётся неизменным, способ ухода из него каждый раз представляется мне иным. Может быть, меня задушили, и я смотрела в бесчувственные глаза убийцы, скрывавшегося под маской, когда он сдавил пальцами мою гортань? Или это была веревка, завязанная вокруг моей шеи? Пытаюсь ухватиться за воспоминания, но они ускользают, словно волны в отлив.

Всё словно в тумане, но я чувствую, как кровь сочится из моей головы, и начинаю склоняться к такому варианту, что во внезапном приступе ярости он швырнул меня через весь гараж, размозжив мой череп о задний бампер с правой стороны «Рейндж-Ровера», затем, ужаснувшись, стал сожалеть о том, что сделал.

Интересно, пытался ли он привести меня в сознание? Или просто хладнокровно убил, тщательно всё продумав? Был ли он вооружен ножом или, может быть, бейсбольной битой и, подгадав время моего прихода, терпеливо ждал, пока я войду в гараж с находками, собранными во время прогулки по пляжу? Была пятница – начало выходных в честь Дня поминовения, и я чувствовала себя очень счастливой.

Неужели я умерла? Или это сон? Который сейчас час? Приходят ли люди на открытие моей выставки? Моя лучшая подруга управляет художественной галереей. Догадывается ли она уже, что я не приду? Пошлет ли она за помощью? В голове проскакивает мысль: меня ведь предупреждали, а я не послушалась. Моё сознание затуманено, а во рту пересохло; лицо и руки покрыты запекшейся кровью. В ушах звенит, и я слышу свой плач.

Вокруг шеи завязана веревка, натирающая кожу до крови. Я едва могу дышать и пытаюсь оттянуть её. Узел слишком тугой, и пальцы почти не слушаются – мои руки покрыты неглубокими порезами. Я вижу, как он размахивает ножом, попадая по моим рукам, когда я поднимаю их вверх, чтобы блокировать удары. Однако, он не зарезал меня. Моё запястье разодрано, но это не от ножа. Он содрал с моей руки золотые часы, свадебный подарок.

Я по-прежнему нахожусь в старом продуваемом всеми ветрами экипажном сарае, который мы используем как гараж. Подо мной жесткий бетонный пол, и я ощущаю вкус собственной крови – признак того, что всё ещё жива. На полу рядом со мной валяются два куска расколотого дерева. Горло горит огнем от удушающей меня веревки. Я ломаю ногти, пытаюсь ослабить узел. И теряю сознание на твердом полу. Когда прихожу в себя, ощущаю, что мне холодно. Сколько я находилась в отключке: минуту или час, или целые сутки? Я умерла? Снова пытаюсь стянуть веревку с шеи – это должно означать, что я не умерла. Узел не поддается.

Всё ещё лежа на полу на спине, вытягиваю ноги и сгибаю ступни. Мои ноги двигаются. Держась за бампер машины, медленно поднимаюсь и опираюсь на заднюю дверь, оставляя кровавые отпечатки. Ладони, пальцы и внутренняя сторона запястий покрыты мелкими, неглубокими порезами.

В памяти всплывает образ: нож рассекает воздух, но едва касается меня, я размахиваю и молочу кулаками, уклоняюсь от ударов, а он смеется. Да, я начинаю вспоминать. На нем была черная маска. Он покачал моими часами передо мной – насмешка, которая, казалось, что-то значила для него, но не для меня.

– Покажи мне свое лицо! – крикнула я, борясь с ним.

Нападавший был в черных кожаных перчатках и синем комбинезоне, какие носят механики, и в маске. Значит, он это спланировал. Нападение не было приступом внезапной ярости.

Он был готов к нему. Спрятал лицо и руки, чтобы его не узнали. Однако, его тело, высокое и худое, скрыть было невозможно.

Мой муж – Гриффин Чейз, прокурор округа Истерли в штате Коннектикут и кандидат в губернаторы на выборах в ноябре. Вероятность того, что он станет следующим губернатором, довольно высока; в его резервном фонде много денег, целое состояние: у него серьезные спонсоры, и всем им он дал обещания.

Он внимательно изучает дела, которые ведет. Рассказывает мне о том, что мужа сделали неправильно, и заверяет, что он никогда не допустит подобных ошибок. Гриффин выносит обвинения тем, кто совершают насильственные преступления. Он отправляет насильников, виновников бытового насилия, преследователей и убийц в тюрьму, а затем возвращается домой к ужину и говорит мне, что они – его учителя. Мой муж также неустанно поражается женщинам-убийцам, например, матери двоих детей, которая была предана суду за убийство своей лучшей подруги.

Джон Маркус, убийца, которому он добился пожизненного заключения в октябре прошлого года, нанес своей жене сорок семь ударов ножом. Его поймали, потому что он случайно порезался, когда его рука скользнула по лезвию ножа, и его ДНК смешалась с её.

– Меня бросает в дрожь при одной мысли быть зарезанной, – призналась я Гриффину. – Увидев нож и поняв, что он собирается с ним сделать, я испытала бы дикий ужас.

И вот нахлынули воспоминания – четкие, уже не как во сне. Конечно, он не стал бы меня резать, потому что обвинение Джона Маркуса послужило ему примером, чего не следует делать. Но он, должно быть, запомнил мои слова о страхе перед ножом. Сейчас, прислонившись к машине, я вспоминаю, как лезвие, отражая дневной свет, струящийся через окно, вонзалось в мою ладонь, слегка рассекая её и внутреннюю сторону запястья, но никаких глубоких ран. Запугать меня до ужаса доставило бы ему удовольствие.

После того, как он швырнул меня, и я ударила головой о бампер машины, он быстро затянул на моей шее веревку.

– Гриффин, сними маску – произнесла я, пока ещё могла говорить, прежде чем петля затянулась. Он хотел, чтобы моя смерть выглядела как самоубийство? Или все же собирался убрать мое тело после моей смерти? Спрятать на своем катере и вывести в Атлантический океан, за остров Блок-Айленд, где океанские впадины настолько глубоки, что человека никогда не найдут?

Он подбросил веревку один раз, второй. На третий ему удалось перекинуть её через балку, а затем он начал тянуть, и я услышала, как веревка со странными звуками медленно заскользила по грубой деревянной перекладине у меня над головой. Он был сильным, его тело – подтянутым и спортивным.

Моя шея вытянулась, когда он дернул за веревку, легкие разрывало от воздуха, который у меня не получалось выдохнуть. Я поднялась на цыпочки, тянулась всё выше и выше. Схватила за петлю на шее и попыталась ослабить хватку. В глазах потемнело, и появились звездочки. «Дыши, дыши, дыши», подумала я, услышав, как из горла вырываются всхлипы и булькающие звуки.

Я пыталась не отрываться от пола, но безрезультатно. Я билась и пинала воздух ногами. И потеряла сознание.

В какой-то момент мне показалось, что сквозь плену предсмертной агонии я услышала крик снаружи, пронзительный вопль – дикий, буквально первобытный. Поэтому он оставил меня там, не доведя дело до конца? Неужели этот звук спугнул его? Или он исходил из моего собственного горла? Может быть, нападавший убежал на кухню и спрятался в доме? Или выскользнул из гаража и сбежал по тропинке вдоль пляжа? Должно быть, он посчитал, что я умерла или скоро умру.

Поднимаю глаза на потолок гаража. Одна из балок сломана, её обломки валяются на полу рядом со мной. Я понимаю, что она сломалась под моим весом, и на глазах выступают слезы. Этот старый экипажный сарай был построен в начале двадцатого столетия. Тогда же прадед Гриффина, губернатор штата Коннектикут, первый из рода Чейзов занявший политический пост, построил «коттедж» – в детстве я назвала бы его особняком. Мы живем на берегу моря, и бесчисленные сильные северо-восточные ветры и ураганы изрядно потрепали сарай. Мы уже много лет собирались его укрепить. Балка надломилась, я упала на пол и осталась в живых. Это обветшалое старое строение спасло мне жизнь.

Моя левая лодыжка сильно ушиблена и распухла, а ноги онемели. Смогу ли я пройти через задний двор, пересечь каменный мост до прибрежного болота, а оттуда сквозь густой сосновый лес добраться до безопасного места, которое мы с отцом построили вместе? Это длинный путь. Оставлю ли я за собой следы крови, которые могут «сдать» меня Гриффину? В полиции штата есть кинологическое подразделение. Гриффин позаботится о том, чтобы его прислужники послали за мной поисковых собак.

Когда меня хватятся? Будет ли у меня достаточно времени, чтобы добраться до нужного мне места, пока не заметят мое отсутствие. Меня всю трясет. Смогу ли я это сделать? А если полиция найдет меня раньше? Они преданы Гриффину. Мой муж заправляет правоохранительными органами в Коннектикуте. Он уже был человеком власти, а поддержка его кандидатуры на выборах в губернаторы дает ему еще больше влияния. Секрет, который я храню, может разрушить его карьеру. И когда правда выплывет наружу, его предвыборная кампания закончится, а люди, поддерживающие его, будут вне себя от ярости.

Вспоминаю про полученное письмо, в котором содержалось предупреждение. И почему я не послушала?

Руки болят. Я снова представляю нож, и ноги подкашиваются.

Придерживаясь за стены гаража и пошатываясь, направляюсь к полке в задней его части и достаю банку со средством для отпугивания животных – вонючей порошкообразной смесью мочи лисы, рыси и пумы, которую я когда-то приобрела, заказав по почте. Она предназначена для того, чтобы не подпускать оленей к садам, а собак держать подальше от границ наших владений. Запах хищников настораживает других животных, вызывая у них страх. Мой отец, который хорошо знал лес, рассказал мне, что у этой смеси есть и другое применение: если распространить средство в дикой природе, оно будет привлекать тех животных, чья моча использовалась для его изготовления.

Даже когда мой отец умер, мы сохранили духовную связь с помощью мифического горного льва, который, как говорят, живет глубоко в лесу, расположенном по соседству. Возможно, этот большой кот – всего лишь призрак, как и мой отец или представители племен неантиков и пекотов¹, которые жили здесь до нас. Но я видела отпечатки больших лап, ходила по этим следам, собирала пучки жесткой желтой шерсти для своей работы, и я видела его тень.

Мог ли тот крик, который я услышала перед тем, как должна была умереть, быть пронзительным кошачьим воплем?

Запах этой смеси собьет поисковых собак со следа. Они будут увлечены возможностью появления дикого животного; будут обнюхивать линию границы, которую я создам. Собаки не пересекут её и забудут о своем объекте преследования – обо мне. Уроки моего отца, вкупе с многолетней любовью к лесу и моими наблюдениями за поведением его обитателей, помогут мне спастись.

¹ Неантики – индейское племя, которое в ранний колониальный период жило на территории штатов Коннектикут и Род-Айленд. В результате постоянных конфликтов с английскими колонистами к 1870 году неантики были объявлены вымершим племенем. Пекоты – индейское племя, которое в XVII веке населяло большую часть территории штата Коннектикут.

Нахожу в шкафу пляжное полотенце и прикладываю к ране на голове. Кровь пропитывает его насквозь, я потрясена её количеством, потому что на полу уже образовалась лужа. Сколько ее уже потеряно?

Я чувствую слабость и едва удерживаю в руках банку. Часть порошка просыпается на пол. Пытаюсь вытереть его, но от зловонного запаха меня чуть не тошнит. Когда поисковые собаки появятся здесь, они зарычат и отпрянут от этого угла. Они будут настороже еще до того, как начнут поиски.

Направляюсь к выходу и спотыкаюсь о веревку, привязанную к шее. Если узел не развязать, я могу хотя бы попробовать его разрезать. Осматриваю «Рейндж-Ровер» в поисках ножа, которым воспользовался нападавший, но не нахожу. Должно быть, он забрал его с собой.

На ржавом гвозде висят садовые ножницы, которыми я обычно обрезаю розы и гортензии. Ручки отлично ложатся в ладонь, но пользоваться ими сейчас больно. Хватит ли у меня ловкости перерезать веревку вместо артерии? Я царапаю кожу, но все же получаю победу – веревка падает на пол. Это отнимает у меня все силы, поэтому я сажусь и надеюсь, что смогу снова встать до прибытия полиции.

Полицейские участки по всему восточному Коннектикуту, которыми заправляет Гриффин, будут расследовать мое исчезновение, используя все силы при поддержке его Управления. Подозрение падет на жестоких преступников, которых Гриффин отправил в тюрьму, уж он об этом позаботится. Люди будут считать, что кто-то хотел отомстить. Детективы проверят каждого из недавно освободившихся осужденных. Они допросят семьи заключенных, которые все еще находятся за решеткой.

Мой муж созовет пресс-конференцию и заявит, что полиция поймает того, кто причинил мне вред, похитил или убил меня, затем избавился от тела. Также муж заверит, что он лично привлечет к суду этого человека и добьется справедливости для меня. Эта трагедия укрепит его имидж: государственный служащий, скорбящий муж. Я стану хэштегом: #Справедливость-ДляКлэр.

Но прежде он, кто-то из его команды или кто-нибудь из его политических сторонников, которым есть что терять, найдут меня и убьют.

Объятая ужасом и изможденная, я задыхаюсь от рыданий. Я ведь любила своего мужа больше, чем кого-либо, я ведь так любила этого человека, который сейчас хотел моей смерти... У меня кружится голова, и я едва держусь на ногах. На минуту задумываюсь о том, чтобы зайти в свою студию за домом и взять письмо. Но зачем? Я проигнорировала его в самый важный момент, когда оно могло меня спасти. Пусть остается в своем тайнике. Если я умру, если никогда не вернусь, оно станет свидетельством того, что произошло.

Пришло время мне отправиться в путешествие. Расстояние будет небольшим, но сил потребуется бесконечно много. Может, я брежу, приходя в себя после нехватки кислорода, но чувствую, как большой кот бесшумно бродит в лесу передо мной, через который и будет проходить мое путешествие. И я осторожно выдвигаюсь в путь. Страх – это дар. Именно так я сохраню бдительность и останусь в живых.

Глава 2

Конор

Конор Рид приехал в галерею Вудворд-Латроп в четыре сорок пять, за пятнадцать минут до открытия выставки Клэр Бодри Чейз. Его девушка, Кейт Вудворд, владела галереей в центре Блэк-Холла, а его невестка, Джеки Рид, управляла ею. Кейт пилотировала чартерный самолет и не успевала к открытию. Конор пообещал, что придет, чтобы поддержать Клэр, которая была их другом.

Конор работал детективом в полиции штата Коннектикут и только что закончил допрашивать свидетелей автомобильной аварии на мосту Болдуин, виновник которой скрылся. Мчавшийся на большой скорости черный пикап подрезал «субару», и она врезалась в ограждение. Обошлось без жертв, но водителя машины доставили в больницу с травмой головы. Никто не разглядел номер грузовика.

Была пятница, перед выходными в честь Дня поминовения, и летний дурдом на побережье только начинался.

– Привет, ты все-таки приехал, – сказала Джеки, подходя к Конору и обнимая его. Она была замужем за его старшим братом, Томом. Для Тома этот брак был первым, а для нее – вторым. Джеки и две ее дочери сразу же понравились Конору. Том работал в береговой охране, часто выходил в море в патруле, и Конор видел, как радовался брат, когда возвращался домой, к жене.

– Похоже, вы ожидаете приличную толпу, – отметил Конор, бросая взгляд на банкетный стол с бутылками вина и тарелками с сыром, хлебом и копченым лососем.

– Да, – ответила Джеки. – Всем не терпится увидеть новое творчество Клэр, но, думаю, многим также интересно познакомиться с кандидатом. Судя по звонкам, которые я получила, ожидается больше политических репортеров, чем журналистов, пишущих об искусстве. Как считаешь, Гриффин победит? Станет нашим следующим губернатором?

– Мне кажется, его шансы хороши, – ответил Конор. Он работал с Гриффином Чейзом над многими делами. Чейз ни перед чем не останавливался и знал, чего стоит победа.

Галерея постепенно заполнялась посетителями. Благодаря Кейт, Конор знал, что художественные выставки в Блэк-Холл посещают три категории людей: настоящие коллекционеры, намеревающиеся что-то приобрести, серьезные любители искусства, приходящие сюда оценивать работы, и те, кто заходят ради бесплатной еды и вина.

На барном столике были расставлены пластиковые стаканы и бутылки с красным и белым вином из виноградников юго-восточной части Коннектикута. На винной карточке красовалась каллиграфическая надпись: «Любезно предоставлено Гриффином Чейзом». «Умный ход – показать, что он поддерживает предприятия Коннектикута», – подумал Конор.

– Идем, – позвала Джеки. – Прогуляйся со мной, оцени творчество.

– Конечно, – согласился Конор. Искусство его никогда особо не интересовало. Почти всему, что он знал об этом, его научила Кейт, которая являлась большой поклонницей Клэр. Ее работы нельзя было назвать картинами, коллажами или скульптурами, но в них присутствовали компоненты каждого. Клэр создавала панно-витрины² – объемные композиции из выброшенных океаном на берег коряг, дополненные различными природными материалами, главным образом найденными на пляже.

– Кто это покупает? – поинтересовался Конор.

² Панно-витрина – это объемная интерьерная картина или фоторамка, «витрина», часто разделенная на несколько отсеков или состоящая из группы коробочек. В нее помещают фотографии, памятные мелочи, красивые вещицы и т. п. Каждый отсек – целая история, но объединяет их единый стиль оформления, цветовая палитра, тема

– У Клэр есть преданные коллекционеры, – ответила Джеки. – Собственно говоря, один из них сделал частный заказ для себя и своей жены.

– Какую из этих работ? – спросил Конор.

– Она не выставила её. Панно у нее в студии, – ответила Джеки. – Клэр сказала, что оно «хранит её секреты».

– Какие секреты? – допытывался Конор, но Джеки лишь покачала головой. Он почувствовал легкое волнение, которое иногда предвещало начало нового дела, но решил, что слишком остро реагирует.

Конор заметил, как Джеки взглянула на часы.

– Уже почти пять, а её до сих пор нет, – произнесла она.

– Может, Клэр хочет появиться эффектно, – предположил Конор.

– Нет, она сказала, что приедет пораньше, чтобы подписать несколько каталогов для клиентов, которые не смогут присутствовать. Мне нужно ей позвонить.

Джеки отошла в сторону и достала мобильный телефон. Конор воспользовался возможностью и, взяв несколько кусочков сыра и крекеры, оглядел зал. Он никогда не смог бы войти в эту галерею, не вспомнив о Бет Латроп, сестре Кейт. Они с Кейт сблизились, когда Конор расследовал убийство Бет.

Раньше Бет управляла галерей, после её убийства Кейт наняла Джеки. Конор знал, как тяжело Кейт приходится сюда, ему тоже было нелегко. От здания веяло насилием и трагедией, но оно принадлежало уже трем поколениям семьи Вудводов, и Кейт никогда его не продаст. Конора не покидало чувство, что Джеки помогала Кейт сохранить эту галерею в семье отчасти для дочери Бет, Саманты.

– Безуспешно, – подойдя к Конору, сообщила Джеки.

Конор не ответил, отвлекшись на одно из творений Клэр, панно-витрину размером примерно двенадцать на шестнадцать дюймов. Это была композиция, обрамленная морской корягой и заполненная двустворчатыми ракушками мидий и моллюсков, лунными камнями, экзоскелетами, морским стеклом, клешнями и панцирями крабов. Она также содержала в себе что-то похожее на скелет человеческой руки и называлась «Костяшка».

– Это рука, – произнес Конор.

– Ага. Жутко, правда? – спросила Джеки. Конор снова ощутил некое волнение и почувствовал, что она наблюдает за его реакцией.

– Напоминает мне кое о чем, – ответил он, не желая сказать лишнего и задаваясь вопросом, слышала ли Джеки о том, что Клэр сказала ему за ужином в понедельник.

– Об Эллен? – спросила Джеки, подтверждая тем самым, что услышала достаточно. Она имела в виду Эллен Филдинг, школьную подругу Джеки, Клэр и Гриффина, которая умерла двадцать пять лет назад.

Служебная машина Гриффина остановилась перед галереей. Он вышел, излучая уверенность и власть, с которыми все в судебной системе были отлично знакомы. Он носил сшитые на заказ костюмы и галстуки от «Гермес». Конор слышал, как один из тюремных надзирателей сказал, что смог бы оплатить своему ребенку учебу в колледже теми средствами, которые Гриффин тратит на свои галстуки.

– Посмотри, кто приехал, – произнесла Джеки и направилась к двери.

Конор держался в стороне, наблюдая. Гриффин вырос богатым ребенком при трагических обстоятельствах. В раннем возрасте он потерял родителей. Девушка, с которой он встречался в колледже, умерла сразу после его окончания. Пиар-ход Гриффина заключался в том, что эти потери наделили его безмерным состраданием и что он посвятил себя правосудию для других, что, будучи окружным прокурором, он лично заботился о жертвах, чьи дела представлял в суде. Семья убитого ребенка сказала, что он – «самый заботливый человек в мире», после чего одна из газет прозвала Гриффина «Заботливым принцем». Прозвище прижилось. Оно

сыграло неплохую роль с политической точки зрения и часто фигурировало в его предвыборной агитации.

Конор смотрел, как Джеки поприветствовала Гриффина и проводила его на выставку.

– Экспозиция выглядит великолепно, – услышал он голос Гриффина.

– Роберта Смит из «Нью-Йорк таймс» приехала пораньше, а журнал «Смитсоновский институт» хочет написать статью о Клэр, – сообщила Джеки.

– Потрясающе, – отозвался Гриффин. – Майк Бушар уже с вами связывался?

– Из еженедельника «Коннектикут»? Да, – ответила Джеки. – Мы разговаривали по телефону, и он хочет встретиться с Клэр здесь сегодня вечером. Я так понимаю, что кто-то из вашей избирательной комиссии организовал это интервью?

В зале становилось тесно. Конор прислонился к стене и внимательно следил за Гриффином, который рассматривал «Костяшку»: сотни серебряных проводков, прикрепленных к внешним краям шероховатой деревянной рамы, играли на свету, создавая иллюзию воды. Золотая монета, которая, судя по всему, была древней и подлинной, лежала на дне, под скелетом руки.

Конор не сводил глаз с Гриффина, наблюдая за его реакцией. Прокурор казался раздраженным. Было ли это действительно так или лишь являлось игрой воображения?

– Я это покупаю, – заявил Гриффин, указывая на панно-витрину.

– Весьма убедительно, – ответила Джеки, – но вам не обязательно её покупать! Я уверена, что Клэр подарила бы её вам.

– Я настаиваю, – процедил Гриффин, и обаяние исчезло из его голоса. – Не хочу, чтобы галерея потеряла свои проценты.

Он достал из кармана чековую книжку, наспех нацарапал сумму и поставил подпись. Конору стало интересно, думает ли Гриффин о Бет. Он с полным успехом привлек к ответственности её убийцу. Возможно, Гриффин знал, что Сэм унаследовала долю матери в галерее и что прибыль от продажи поможет ей оплатить учебу в колледже.

– Что ж, спасибо, – поблагодарила его Джеки. Она поставила на «Костяшке» красную метку, чтобы все знали, что работа продана.

– Позвоню ей прямо сейчас... узнаю, где она, и скажу, что у меня для нее сюрприз, – сказал Гриффин. Он достал телефон и набрал номер.

– Милая, ты где? Мы тебя ждем... Ты в порядке? – промолвил он и отключился.

– Голосовая почта, – услышал Конор слова Гриффина.

– Должно быть, она в пути, – предположила Джеки. Затем, словно заметив тревогу в его глазах, спросила: – Что такое?

– Ничего, – ответил Гриффин. Потом добавил: – Последнее время она была очень взволнованной.

– Это нормально, – успокоила его Джеки. – Мандраж перед выставкой.

– Хм, возможно вы и правы, – согласился Гриффин, но по его голосу не похоже было, что он в это верит.

В зале было не протолкнуться. Конор смотрел, как Гриффин снимает «Костяшку» со стены. Это показалось странным, ведь, как правило, проданные работы оставляли висеть на протяжении всей выставки, и будучи женатым на художнице, Гриффин должен был об этом знать.

Гриффин был уже на полпути к выходу, когда его окружила толпа людей. Конор внимательно следил за тем, как он улыбается, пожимает руки, непринужденно общается и говорит, что гордится своей женой. Один из собеседников оказался репортером и держал в руках блокнот. Конор подумал, не это ли Майк Бушар. Гриффин вел себя оживленно, был полон энтузиазма и выглядел как человек, рожденный баллотироваться на пост губернатора.

Затем Гриффин выскользнул на улицу, держа панно-витрину под мышкой, подошел к своей машине, открыл багажник и положил туда «Костяшку». Конор наблюдал за этим и опять почувствовал уже знакомое волнение.

Глава 3

Клэр

Мы с Гриффином знаем друг друга целую вечность. Моя влюбленность в него началась еще в восьмом классе. Он был долговязым мальчиком, достойным спортсменом, способным футболистом и теннисистом, который заставлял толпу ахать, когда забивал мяч в ворота или зарабатывал очки. У него были точеные скулы, глубоко посаженные зеленые глаза – внимательные глаза, которые иногда ловили мой взгляд, и мне казалось, будто он хочет спросить меня о чем-то. По ночам я лежала без сна и гадала, что за вопрос это мог быть.

Он всегда встречался с классными девчонками из загородного или пляжного клубов. Они посещали частные школы, водили спортивные машины и носили кашемировые свитера, повязанные на плечах. Иногда мы с Гриффином играли в теннис в одном и том же групповом этапе или виделись у костра на пляже, но на этом, пожалуй, и все.

Однажды туманным вечером, во время летних каникул перед старшими классами средней школы, он вместе с группой парней из загородного клуба заявился на песчаную парковку Хаббардс-Поинт. В багажнике Джимми Хейла стоял портативный холодильник, и мы с Гриффином одновременно потянулись за пивом. Пальцы Гриффина коснулись моих.

– Привет, – произнес он.

– Привет, – ответила я. В его глазах снова появился этот вопрос, но я так смутилась, что отвела взгляд. После этого долгое время ничего не происходило, вплоть до окончания колледжа.

Гриффин учился в Уэслианском университете, как и Эллен Филдинг, девушка из нашего города. Когда они начали встречаться, никто не удивился. Она принадлежала к потомственной аристократии, как и Гриффин, и жила в доме морского капитана на Мейн-стрит. Хотя ей не нужно было беспокоиться об оплате колледжа или покупке учебников, каждое лето Эллен работала официанткой в гостинице «Блэк-Холл Инн» вместе со мной и Джеки. Ее семья считала, что это поможет ей воспитать характер. Она работала так же усердно, как и мы, и заставляла нас смеяться, передразнивая пьяного шеф-повара и похотливого управляющего. Она все время носила тяжелый золотой браслет с подвеской, похожей на старинную золотую монету. Эллен сказала мне, что он принадлежал ее бабушке.

Тем летом, перед выпускным классом, когда Гриффин забирал ее после работы, я старалась не смотреть на него. Я боялась, что Эллен или, еще хуже, сам Гриффин заметит мое еле сдерживаемое влечение к нему. Но иногда мне приходилось здороваться, проходя мимо его винтажного спортивного автомобиля MGB («Британский гоночный зеленый»). Он сидел в машине с опущенным верхом и работающим двигателем и смотрел на меня своими серьезными глазами. А затем выходила Эллен, и они уезжали.

Я поступила в Школу дизайна в Род-Айленде и влюбилась в мир искусства и художников. Я встречалась со скульптором, который вырезал записи своих сеансов терапии на полированной стали, затем с художником-перфомансистом, который изображал на сцене Орфея, спускающегося в подземное царство. Но я по-прежнему мечтала о Гриффине.

Они с Эллен расстались сразу после окончания университета. Вместо поездки в Лондон в июле, как планировалось, она вернулась домой с родителями. Гриффин начал появляться в гостинице после того, как заканчивалась моя смена, хотя Эллен там больше не работала.

– Эллен изменилась, Клэр. Она уехала на весенние каникулы, и после ее возвращения все стало по-другому, – признался он.

– Почему?

– Понятия не имею. Она не хочет говорить о том, что случилось. Хотя знает, что может рассказать мне все, что угодно. Теперь она даже видеть меня не хочет.

– Мне жаль, – сказала я.

– Угу, – ответил он. – Хуже всего то, что там случилось что-то плохое. Она тебе что-нибудь говорила?

– Нет. Что, например?

– Не знаю, – промолвил он. – Ты уверена, что она ничего не говорила?

– Абсолютно, – ответила я.

Мы с Джеки подружились с Эллен, пока работали в гостинице, и переживали за нее. Я чувствовала себя виноватой, сблизившись с Грифффином, поэтому именно Джеки подошла к ней, чтобы узнать, как у нее дела. Она ездила с друзьями семьи в Канкун отдохнуть на пляже и в последний раз повеселиться перед окончанием учебы. Эллен спросила Джеки:

– Ты веришь в злые силы?

– О чем она говорила? – спросила я.

– Без понятия. Она просто смотрела на меня, Клэр, в ее глазах была пустота.

– Господи, бедная Эллен, – произнесла я.

Грифффин был подавлен, и я стала его доверенным лицом. Поначалу он был всего лишь парнем с разбитым сердцем, а я – девушкой, которая его утешала. Но все начало меняться, и я не могла в это поверить. Мы жили в одном городе, но происходили из абсолютно разных миров.

Я жила в Хаббардс-Поинте – чудесном пляжном районе, где время остановилось. Небольшие крытые дранкой коттеджи, построенные в двадцатых-тридцатых годах двадцатого столетия семьями рабочих, расположились на скалистом выступе на краю пролива Лонг-Айленд. Окна обветшалых коттеджей неизменно были украшены геранями и петуньями, а также яркими ставнями с резными узорами в виде морских коньков и парусников.

Семьи в Хаббардс-Поинте устраивали совместные пикники. Друзья детства становились друзьями на всю жизнь, как мы с Джеки. Каждый год на День независимости жители организовывали веселую вечеринку на морском берегу и детский велопарад. По воскресеньям и четвергам на пляже в форме полумесяца проводили кинопоказ. Все приносили шезлонги и смотрели классические фильмы на экране, который так колыхался от ветра, что мог сойти за парус. В конце пляжа была тайная тропинка, которая петляла через лес и вела к скрытой бухте. Я могла пройти по ней с завязанными глазами.

Грифффин вырос по другую сторону этой узкой тропы, на элитной, закрытой территории под названием Катамаунт-Блафф, где на частной дороге располагались всего четыре дома. Дом Чейза (тот, в котором мы сейчас живем) был построен на мысе его прадедом по отцовской линии, Декстером Чейзом. Он основал «Парфенон Иншуранс» – крупнейшую страховую компанию в Хатфорде, после чего баллотировался на пост губернатора и занимал его в течение двух сроков. Его сын, дед Грифффина, три срока был сенатором, представляя штат Коннектикут. Отец Грифффина был адвокатом, штатным юристом в «Парфеноне». Они использовали «лето» как глагол – они летовали/проводили лето в Катамаунт-Блафф. Когда я спросила Грифффина о его матери, он ответил:

– Тебе лучше не знать.

Я – единственный ребенок, родители любили меня безоговорочно. Мы «ездили на пляж», когда заканчивались занятия в школе в июне. Мама была учителем рисования в государственной школе, а отец – профессором экологии в колледже Истерли. Он научил меня всему, что я знаю о лесах, а мама призывала рисовать то, что я видела. Когда мне было девять, она погибла в автокатастрофе: не справилась с управлением во время гололеда, врезалась в дерево и скончалась мгновенно.

Мы с отцом были подавлены горем и обратились к природе. После школы, работы и по выходным мы бродили по лесу, забирались на скалу между Хаббардс-Поинт и Катамаунт-Блафф. В этих лесах проживали представители племени пекотов. На вершине холма,

испещренного валунами, располагались их захоронения. Мой отец велел мне всегда относиться к этой земле как к священной.

Он научил меня прокладывать тропу в лесу: замечать камни, деревья, сломанные ветки и использовать их как ориентиры, чтобы не потеряться. По ночам он показывал мне Полярную звезду и вообще научил ориентироваться по звездам. В конце того лета мы построили хижину на краю болота на дальней стороне холма, в почти непроходимой чаще. Однажды мы остались там ночевать и услышали жуткий, леденящий кровь крик.

Существовал устойчивый миф, что горные львы, вытесненные фермами из лесов на севере Коннектикута (их естественной среды обитания), были вынуждены переместиться на юг через зеленые долины и природоохранные земли в долину реки. Название Катамаунт-Блафф, данное этой местности в девятнадцатом столетии, свидетельствовало о многовековой истории этой легенды. Мы с отцом прочесывали выступы скал. Искали следы, останки белохвостых оленей, любые признаки того, что горные львы тут обитали.

Отец умер от аневризмы, когда мне было двадцать. Семья его брата в Дамарискотте, штат Мэн, приютила бы меня, но мое горе было слишком велико, чтобы принять помощь, присоединиться к другой семье. Я бросила колледж. Лесная хижина напоминала мне о папе и стала моим убежищем. Там я буквально ощущала его присутствие. По ночам я искала Полярную звезду и чувствовала, что он со мной. Я начала делать панно-витрины из предметов, которые находила поблизости: лишайники, гальку, высохшие водоросли, раковины мидий, мышинные косточки в совиных фекальных комочках.

В ту августовскую ночь (тем летом, когда Гриффин окончил учебу в колледже), когда метеорный поток Персеиды должен был достичь своего пика, Гриффин позвонил мне и попросил встретиться с ним в бухте, укромном уголке среди скал, расположенном между Хаббардс-Поинт и Катамаунт-Блафф.

Я подумала, что он имел в виду нашу компанию.

– Мне позвать Джеки? – спросила я.

– Нет, Клэр, – ответил он загадочным голосом. – Только ты. Я хочу посмотреть с тобой на падающие звезды. Ты не против?

– Нет, – произнесла я.

– Встретимся там, – сказал он.

Я бежала по лесной тропинке со стороны Хаббардс-Поинт, не переводя дыхание и зная, что он шел из своего дома, чтобы встретиться со мной. Я не могла в это поверить. На полпути я остановилась и всмотрелась в крутой холм, густо заросший дубняком, белыми соснами, восковницей и илексом. В глубине этих лесов были могилы пекотов, а за ними – моя хижина.

Гриффин ждал в бухте. У меня колени подогнулись, когда я увидела покрывало, которое он расстелил над линией прилива, и поняла, что мы будем лежать на нем вместе. Мы находились в уединении от города или домов, вокруг не было ничего, кроме сотен акров гранитных уступов, лесов, болот и соленой воды. В темном безлунном небе сверкали звезды.

Темно-каштановые волосы падали ему на глаза. Белая прядь рассекала левый висок – шокирующе, учитывая, что ему было всего двадцать один год. В свете звезд его глаза были изумрудно-зелеными, а взгляд – вопрошающим, как и всегда.

– В чем дело? – спросила я, нервно рассмеявшись. – Мне кажется, ты о чем-то размышляешь.

– Да, – ответил он. – Я все время об этом думал. Я всегда чувствовал, что ты – мой лучший друг. И не только.

– Мы же почти не общались, – удивилась я.

– Не словами, – ответил он и приподнялся на локте.

Гриффин потянул меня на покрывало. На этот раз, когда он посмотрел на меня, вопрос исчез из его взгляда. Я слышала, как волны разбивались о скалы и растекались по песку. Грифф-

фин повернулся ко мне и обнял. Прижался всем телом и поцеловал. Наш первый поцелуй: нежный, затем более страстный. Я почти чувствовала волны под нами, казалось, они поднимают нас, словно песок превратился в море.

Я прикоснулась к его лицу, провела пальцами по шее, ощутила, как бешено колотится его пульс, как и мой. Из воды доносился странный резкий звук, но я была слишком взволнована, чтобы обращать на него внимание.

– Ты слышала это? – спросил Гриффин.

– Что это? – прислушалась я. Это был такой скрежещущий звук, словно кто-то шлифовал древесину грубой наждачной бумагой.

– Не знаю. Впрочем, какая разница? – отозвался Гриффин.

Он притянул меня, крепко прижал к себе и снова поцеловал. Скользнул рукой по моему боку и подцепил пальцем пояс джинсов. Мне хотелось, чтобы он продолжал, но я не могла перестать слышать этот звук.

Теперь уже он больше походил на пощелкивание и, казалось, шел со стороны небольшого водоема, оставленного приливом. Это место было очень низким с горными глыбами и скалистыми выступами, которые обычно омывались потоками воды, а приливы в новолуние мощны. Я встала с покрывала и направилась к скалам.

– Клэр, – крикнул Гриффин. – Осторожно.

В свете звезд я увидела белые гребешки небольших волн, блестящие завитки бурых водорослей и скопление каменных крабов, которые полностью покрывали какой-то округлый объект в мелком приливном водоеме. Крабы двигались так, словно были единым организмом, а не тысячами особей, привлеченных из скалистых расщелин тем, что гнило под ними. Их клешни безостановочно щелкали. Щелк-щелк-щелк.

Я подумала, что это, наверное, была мертвая рыба, большая, может полосатый окунь. Или даже тюлень – они жили тут всю зиму до весны. *«Пожалуйста, только не тюлень»*, – подумала я. – *«Впрочем, как и любое другое морское млекопитающее, будь то дельфин или детеныш кита»*. Запах разложения был бы невыносимым.

Приближаясь, я потопала по мокрым камням, чтобы отпугнуть крабов, и увидела, что лежало под ними. Ослепительно белые кости. Длинные каштановые волосы спутались, как водоросли. Наполовину съеденное левое запястье сверкнуло чем-то золотым. На предплечьях все еще виднелись клочья плоти, но запястья и кисти были изглоданы до костей. Это были руки скелета; костяшки пальцев длинные, тонкие и изогнутые.

Я закричала. Это была Эллен Филдинг.

Я бросилась к крабам, смахивая и отпихивая их ногами с тела Эллен. Они бросились врассыпную, затем снова покрыли ее.

– Клэр, – воскликнул Гриффин, оттаскивая меня от трупа Эллен. Я зарыдала, глядя на золотой браслет на этом жутком запястье со старинной золотой монетой, свисающей с толстых звеньев, который Эллен подарила ее бабушка.

Гриффин хотел, чтобы мы вернулись к нему домой и оттуда вызвали полицию, но я отказалась уходить. Я не хотела оставлять ее одну. Мог начаться прилив и смыть в море все, что осталось от ее тела. Я сидела на мокром песке и сторожила ее. Свет звезд отражался на черно-зеленых панцирях крабов, их клешни разрывали ее на части.

Наконец Гриффин прибыл с полицейским из Блэк-Холла. Офицер присел на корточки рядом с трупом, затем вызвал бригаду криминалистов и полицейский катер. Вскоре катер обогнул мыс, осветив прожекторами бухту.

– А это зачем? – поинтересовался Гриффин.

– Она могла быть на лодке, – ответил полицейский. – Лодка могла затонуть, и с ней мог быть кто-то еще, нуждающийся в помощи.

– Это произошло не сегодня, – услышала я свой голос. – Крабы уже разорвали ее на части!

Офицер полиции был молодым парнем, ненамного старше нас. Я видела его в городе, он регулировал движение во время Фестиваля летнего солнцестояния, после концертов на церковной лужайке, выписывал штрафы за превышение скорости на шоссе 156.

– Я – офицер Маркхэм, – представился он. – Ваше имя?

– Клэр Бодри, – ответила я.

Гриффин встал рядом со мной и обнял за плечи. Я замерзла, пока сидела на сыром пляже, и дрожала, прижавшись к его теплому телу.

– Зачем вы пришли сюда на ночь глядя? – поинтересовался офицер Маркхэм. – Темновато и поздновато для прогулки по пляжу.

– Мы хотели посмотреть на метеоритный дождь, – ответил Гриффин.

– Как вы нашли тело?

– Это Клэр нашла, – пояснил Гриффин.

– Я слышала крабов, – добавила я.

– Хорошо, – произнес офицер. – Нам предстоит опознать жертву. Оставьте мне ваши телефонные номера на случай, если понадобится поговорить с вами дополнительно.

У меня сердце бешено колотилось. Губы покалывало, а руки онемели. Я ждала, когда Гриффин скажет полицейскому, что это Эллен, но он молчал. Мог ли он не узнать браслет?

– Я знаю, кто это, – наконец промолвила я, потому что Гриффин молчал.

– Кто? – спросил офицер Маркхэм.

– Эллен Филдинг, – ответила я.

Гриффин резко вдохнул, словно испытал шок.

– О боже, боже мой, – забормотал Гриффин, обхватив голову руками, и зашагал по кругу. – Она это сделала.

– Сделала что? – уточнил полицейский.

– Покончила с собой, – сказал Гриффин. – У нее была жуткая депрессия.

– Вы знали ее? – спросил офицер.

– Мы оба ее знали, – подтвердил Гриффин. Я ждала, что он добавит, что встречался с ней, но офицер Маркхэм просто записал наши номера и отпустил нас, сказав, что, если появятся дополнительные вопросы, с нами свяжется детектив.

После этого Гриффин провел меня домой через темный лес. Я дрожала всю дорогу. Прямо у заросшей тропы, ведущей к моей хижине, в кронах деревьев образовался просвет, и небо в нем внезапно заполнилось падающими звездами.

– Смотри, – указывая вверх, сказал Гриффин. Несколько мгновений мы смотрели на звезды. – Наконец-то, то, за чем мы сюда пришли. Персеиды.

– Они падают для... – начала говорить я, желая сказать, что для Эллен.

– Они для нас, чтобы мы всегда помнили эту ночь, – перебил меня Гриффин срывающимся голосом.

– Что-то прекрасное, – прошептала я. – После чего-то настолько ужасного.

В течение следующих нескольких дней полиция проводила расследование. Как и сказал офицер Маркхэм, детектив расспрашивал меня о том, как мы нашли тело Эллен, не заметили ли мы изменений в ее настроении или знали кого-то, кто мог хотеть причинить ей вред. Такер Морган, комиссар полиции штата, был другом Уэйда Локвуда – соседа Гриффина по Катамаунт-Блаффу, заменившего ему отца, – и сам проводил допрос. В присутствии Уэйда. Во время обеда в яхт-клубе.

После проведения судебно-медицинской экспертизы состоялось коронерское расследование. Результаты токсикологических анализов пришли отрицательные, значит, у Эллен не было передозировки. У нее обнаружили проломленный череп. Случилось ли это при падении? Или кто-то на нее напал?

По городу сразу же поползли слухи: что бы ни случилось в Канкуне, это довело ее до отчаяния, и она утопилась. Либо она ввязалась во что-то незаконное и настолько опасное, что ее убили. Но комиссар Морган решил не развивать эти версии. Уэйд убедил его, что идея о том, что кто-то последовал за Эллен на север, убил и бросил ее тело на пляже, была уж слишком притянута за уши. Она всего лишь поскользнулась на камнях.

Наша с Гриффином интерлюдия длилась весь август: страсть и безумное влечение друг к другу. Реальность того, что мы нашли тело Эллен, была травмирующей. Сначала это нас сблизило, но в конечном итоге разлучило. Мы оба хотели перестать вспоминать ту ночь.

Гриффин поступил на юридический факультет Йельского университета. Я подумывала о возвращении в Школу дизайнера в Род-Айленде, но вместо этого просто продолжила заниматься искусством самостоятельно. В последующие годы каждый из нас вступил в брак с другими людьми. И хотя я пыталась, но не могла перестать думать о Гриффине. Я ненавидела себя за это, но, когда Нейт, мой первый муж, обнимал меня, я представляла тело Гриффина. Позже Гриффин признался, что чувствовал то же самое с Марго, его первой женой. В те годы тоски и разлуки наше стремление друг к другу стало почти нестерпимым. У меня не было детей, но у них с Марго родились близнецы, Форд и Александр.

Гриффин стал обвинителем, со временем поднялся по карьерной лестнице и занял нынешний пост прокурора округа Истерли, где уступал по значимости только главному прокурору штата. После того, как Марго в пятый или шестой раз попала в центр реабилитации, они развелись, и он получил опеку над их сыновьями. Марго переехала в Нью-Гэмпшир, где выросла. Она никогда больше не видела мальчиков. Гриффину пришлось поддерживать их, каким-то образом заставить сыновей поверить, что их мать по-прежнему их любит несмотря на то, что она никогда их не навещала и не просила, чтобы они навестили ее. По крайней мере, так он мне говорил.

К тому времени, когда мы с ним столкнулись на коктейльной вечеринке в Блэк-Холле, я рассталась с Нейтом, человеком, с которым жила и о котором заботилась, но в которого не была влюблена. Нейт умолял меня вернуться, но к тому моменту я уже сошлась с Грифффином и все равно подала на развод. Сыновья Гриффина, на всю жизнь травмированные тем, что их мать отреклась от них, не были готовы к мачехе.

В безумной любви таится сила. Можно быть настолько поглощенным ее запретной природой (я влюбилась в Гриффина, все еще будучи законной женой Нейта; Грифффин уделял мне все свое внимание вместо того, чтобы попытаться прийти с Марго к приемлемому соглашению об опеке и окружить безмерной любовью своих морально опустошенных сыновей) и стремлением оправдать свой выбор перед миром, что легко упустить из виду – вы совершенно не подходите друг другу.

Смерть Эллен никогда не покидала меня. Она наложила отпечаток на мои работы, напоминала о мрачной стороне вселенной, ее ужасная красота отражалась в каждом панно-витрине, которую я создавала. Грифффин сказал, что ее смерть вдохновила его поступить на юридический факультет, стать прокурором, преодолеть боль и темную сторону жизни и тем самым почтить Эллен.

Это была ложь.

Эллен похоронили на кладбище Херонвуд. Слухи о том, что она стала жертвой жестокого преступления постепенно сошли на нет. Возможно, она поскользнулась и упала на камни, погибла в результате ужасного несчастного случая. Или, как считали многие, она покончила с собой.

Я тоже сначала полагала, что это было самоубийство, но теперь уже нет. Я уверена, что это было убийство, а также уверена, что Грифффин привел меня в бухту той ночью специально, чтобы я нашла ее тело.

Дело в том, что однажды он почти признался в ее убийстве.

В памяти всплывает образ: мы с Гриффином на нашей кухне в Катамаунт-Блафф. Поздний вечер, он вернулся домой после собрания в клубе «Последний понедельник», черный галстук ослаблен, смокинг перекинут через плечо. Я сказала что-то «не то» – совершенно неважно, что именно. Если Гриффин был не в духе для расспросов, даже вопрос о погоде мог оказаться «не тем». Он угрожающе навис надо мной, его зеленые глаза стали черными, в буквальном смысле почернели, и он сказал:

– Хочешь, чтобы с тобой случилось то же самое, что с Эллен?

Гриффин говорил мне такие вещи постоянно. Он говорил так и о других жертвах убийств, чьих убийц предавал суду.

– Обвиняемого вывели из себя, Клэр, точно так же как ты провоцируешь меня. Я должен выполнить свою работу и отправить его в тюрьму, но это не означает, что я не понимаю, почему он это сделал. Он терпит и сдерживает себя, пока его терпение не лопається. И потом она умирает.

– Как Эллен? – спросила я. – Она вывела тебя из себя? – Это был мой роковой вопрос.

Теперь, когда меня вот-вот объявят пропавшей без вести, Гриффин выступит на каждом местном телеканале, прикидываясь обезумевшим от любви и беспокойства за меня. Полиция штата прочешет все реки и соленые пруды, а также прибрежные воды пролива Лонг-Айленд, отправит водолазов в озера и водохранилища, обыщет каменоломни, скалистые выступы и холмы ледниковой морены. Они допросят моих друзей и бывшего мужа, соседей, коллег-художников и натуралистов. Гриффин позволит им прочитать мои записи, те, что я не спрятала, просмотреть документы на моем компьютере, изучить мобильный телефон, который я оставила в своем внедорожнике, когда на меня напали.

Там будут следы крови, и криминалисты исследуют их. Лужи крови из раны на голове, капли – от небольших порезов. Боже, этот нож. Я все еще вижу, как нападавший размахивает им. Я думала, что он пронзит меня в сердце, поэтому пыталась увернуться. Острие вонзалось в предплечья и ладони, но он все время отводил нож в сторону, не позволяя лезвию оставлять глубокие раны.

Гриффин никогда бы не зарезал меня ножом. Чересчур грязная работа, и слишком много улики остается.

В тот вечер, когда присяжные признали Джона Маркуса виновным, мы с Гриффином были на кухне и собирались ужинать. Это был промозглый октябрьский вечер, настолько холодный, что наша вырезанная для Хэллоуина тыква покрылась инеем. На кухне было уютно. Я приготовила жареную курицу. Он принес домой бутылку «Вдовы Клико», чтобы мы могли отпраздновать его победу. Уже поговаривали о выдвижении его кандидатуры на более высокий пост.

Я подняла свой бокал. Гриффин разделял курицу.

Стоя у кухонного островка из белого мрамора, он вдруг поднял нож над головой и бросился на меня. Я вздрогнула от испуга, уронила бокал с шампанским, и тот разбился об пол.

– Господи, эта была всего лишь шутка! – сказал мой муж. – Ты делаешь из меня преступника, когда так пугаешься.

– Тогда не набрасывайся на меня с ножом.

– Когда я нападу на тебя с ножом, Клэр, ты это поймешь.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица.

– Не переживай, я бы никогда тебя не зарезал, – произнес он совершенно спокойным голосом. – Как думаешь, почему присяжные вернулись через два часа? Потому что он был идиотом, допустил столько ошибок. Да он практически умолял, чтобы его поймали. Нужно быть умнее. Нельзя оставлять ДНК. Но Клэр? Прямо сейчас мне очень хочется это сделать. Это был хрустальный бокал Баккара. Он принадлежал моей бабушке.

И ведь я не могу сказать, что он не предупредил меня.

Затем я вспоминаю про письмо, и на глазах наворачиваются слезы, потому что я не послушала.

Как далеко я смогу уйти?

Он не остановится, пока не найдет меня. А когда найдет, то позаботится, чтобы я никогда не вернулась домой.

Весь Коннектикут будет скорбеть о его потере.

Смерть Эллен сошла Гриффину с рук, но со мной этого не будет.

Мне пора уходить. Во второй раз заставляю себя подняться с пола. Ноги едва двигаются; пошатываясь выхожу через боковую дверь. Я знаю, что нужно идти вдоль уступа, чтобы не оставлять следов, заметать землю позади себя сосновой веткой и отправиться в самую глубь леса.

Я спрячусь в дикой природе, где смогу чувствовать себя в полной безопасности. Мои ноги знают дорогу. Я направляюсь на северо-восток, но делаю небольшую петлю и, прежде чем вернуться назад и продолжить намеченный маршрут, покрываю камни и стволы деревьев смесью для отпугивания. Этот запах собьет собак с моего следа.

Я позабочусь о том, чтобы Гриффина поймали. Расскажу всем, что свет – это ложь, что тьма – его единственная правда.

Я сделаю это ради себя и ради Эллен. На ходу произношу ее имя и разговариваю с отцом: – Папа, помоги мне. Помоги нам, мне и Эллен. Доведи меня до хижины.

Я готова поклясться, что прямо чувствую, как отец поднимает меня на руки и несет через лес, и внезапно мое убежище появляется в поле зрения.

Глава 4

Конор

– Она до сих пор не появилась, – сказала Джеки. – Это открытие ее выставки, а самой Клэр нет.

Конор посмотрел на часы: половина шестого.

– Опаздывает на полчаса, – произнес он.

– Это на нее не похоже, совсем, – ответила Джеки.

К ним подошел Нейт Браунинг, первый муж Клэр. Профессор Йельского университета, о его исследовании китов на Аляске недавно писали в местной газете. За ним практически неотступно следовали три женщины, одетые дорого и стильно, как подобает в мире искусства.

– Я к этому не готова, – шепчет Джеки себе под нос. – Элита Катамаунт-Блаффа.

– Что? – переспросил Конор.

– Соседи Клэр. Леонора Локвуд, Слоан Хоук и Абигейл Коффин.

Конор узнал Леонору, аристократку, жену Уэйда Локвуда, щедрого спонсора благотворительных мероприятий, которые оказывались выгодными полиции. В свои почти восемьдесят она имела царственную осанку и совершенно не стеснялась своих морщин. На ней красовались яркое платье в восточном стиле с желто-зеленым принтом и золотые браслеты на загорелых руках, а длинные белые волосы были закручены в прическу «ракушка». В правоохранительных кругах хорошо знали, что они с Уэйдом являлись политическими спонсорами и почетными родителями Гриффина.

– А где Клэр? – спросила Леонора, оглядываясь по сторонам.

– Не знаю, – ответила Джеки, бросив взгляд на Конора.

– Она должна быть здесь и приветствовать свою публику! – возразила Леонора. – Как и Гриффин, если уж на то пошло. Все хотят познакомиться со следующей первой леди нашего штата.

– Уверен, она придет с минуты на минуту, – сказал Нейт. Он был ростом около пяти футов девяти дюймов с заметно выпирающим животом. Его волосы и борода нуждались в стрижке, и он был полной противоположностью педантичному Гриффину.

– Что вы думаете о ее новой работе? – спросила Леонора Нейта, и их группа погрузилась в обсуждение.

Конор наблюдал за Гриффином, который на другом конце зала увлеченно беседовал с Илаем Дином, владельцем пристани для яхт «Западный ветер». Многие жители города держали там свои лодки. Когда Конор заметил, как Гриффин обхватил голову руками, то подошел к ним.

– Что случилось? – спросил он, встав между Гриффином и Илаем.

– Клэр сказала мне сегодня утром, что собирается прогуляться на лодке до острова Чайки, чтобы проветрить голову перед выставкой, – ответил Гриффин.

– Но я только что сказал ему, что ее вообще не было на пристани, – вставил Илай.

– Большую часть дня я работал на втором причале, а ее прелестная маленькая плоскодонка так и не сдвинулась с места.

– Когда вы в последний раз с ней разговаривали? – поинтересовался Конор у Гриффина. Тот ответил, что сегодня утром, после завтрака.

– Послушайте, – вставил Илай. – Сегодня жаркая и безветренная погода, наверное, она просто не захотела выходить на лодке в такую жару.

– Семьдесят пять по Фаренгейту, – отметил Гриффин в ответ и, глубоко вздохнув, добавил: – Как по мне, так идеальная погода.

– Слушайте, я переживаю.

– Чем я могу помочь? – спросил Конор.

– Я поеду домой, посмотрю, там ли она, – ответил Гриффин.

То небольшое волнение, которое Конор ощутил, как только вошел в выставочный зал, усилилось. Он сказал, что пойдет следом, и они с Гриффином Чейзом поспешили к своим автомобилям.

Глава 5

Джин

Ближе к вечеру самая восточная часть пролива Лонг-Айлед была необычайно спокойной и отливала янтарем в лучах заходящего солнца. Джин и Барт Данхэм плыли на северо-запад от Блок-Айленда на своей яхте «Арктур» модели «Тартан-36» и почти не разговаривали, потому что Барт слишком много выпил в баре «Весло», а Джин посчитала, что им следует дожидаться утра, прежде чем отправиться домой в Эссекс, штат Коннектикут.

Джин стояла у штурвала, а Барт растянулся на кокпите. Паруса были подняты, но из-за полного штиля яхта шла на моторе. Джин провела их через пролив Уотч-Хилл (мелководье, от которого и в лучшие времена волосы вставали дыбом), мимо острова Фишерс, скалы Рейс-Рок, а затем мимо устья реки Темс.

На воде виднелось не так уж и много судов – сезон только начался. Будучи на пенсии, Джин и Барт хотели открыть его раньше остальных. Они подумывали продать свой дом, отправиться на яхте в Форт-Лодердейл и остаться жить на борту «Аркура». Эти небольшие вылазки были пробными. Джин с отвращением посмотрела на Барта. Он провалил испытание.

Джин видела, как через пролив между Нью-Лондоном и Ориент-Пойнтом курсировали паромы. Она проявляла осторожность на участках морских путей, где буксиры и баржи бороздили воды пролива Лонг-Айленд. Начался прилив, и после долгого дня на воде она не могла дожидаться, когда вернется домой, отправит Барта в постель и примет душ.

– Как дела, милая? – поинтересовался Барт.

– Нормально, – резко бросила она.

– С такой погодой никаких проблем! – воскликнул он. – Не понимаю, из-за чего ты так разозлилась. Поставь ее на автопилот и иди ко мне, дорогая. – Он протянул руки. – Ну разве это не жизнь?

Джин проигнорировала его и вгляделась на запад, сосредоточившись на поблескивающей впереди воде.

– Ну, ладно, – сказал он. – Ты меня больше не любишь.

– Что это? – спросила она, отвлекшись на шум впереди.

– Где, детка?

– Вон там, – указала она. – Что-то плавает кругами.

Барт приподнялся на локте и посмотрел на запад, в сторону заходящего солнца.

– Рыба или что-то в этом роде. Стая луфарей кормится.

– Это не стая, всего один плавник. Боже мой, акула?

Яхта скользила по золотистой поверхности, за ней тянулся кильватерный след. Паруса заполоскало.

– Какого черта она делает? – спросила Джин.

– Плавает – то, что акулы умеют лучше всего, – ответил Барт. – Эй, посмотри сколько жидкого жира, неужели она убила тюленя?

Изменение температуры воды привлекло популяцию тюленей в южную часть Новой Англии. А тюлени были излюбленной пищей акул. По мере приближения Джин сбавила скорость. На воде блесло маслянистое пятно. Возможно, Барт был прав, и акула убила тюленя. И тут Джин поняла, что это вовсе не плавник, а маленькое пушистое существо.

Она направила яхту в сторону животного. Это был не тюлень, а крошечная собачка, отчаянно гребущая лапками и пытающаяся забраться на крупный обломок белого стеклопластика. Джин быстро схватила багор, ее сердце бешено колотилось. Она почти представила, как акула выпрыгивает из воды и хватает собаку прежде, чем Джин успеет до нее добраться.

Но этого не произошло. Она перегнулась через борт, одним взмахом крюка подцепила ярко-розовый ошейник щенка и втащила йоркширского терьера на кокпит. Собака по размерам едва ли превосходила ладонь Джин. На маленькой серебряной подвеске, свисавшей с ошейника, было выгравировано «Мэгги». Джин крепко прижала Мэгги к груди и почувствовала, как та отчаянно трясется.

– Она просто очаровательна, – произнесла Джин.

– Должно быть, упала за борт, – предположил Барт.

– Все хорошо, Мэгги. Ты в безопасности, малышка, – сказала Джин. Она засунула собаку к себе под толстовку, чтобы согреть, и оглянулась по сторонам в надежде увидеть лодку, которая искала бы собачку.

– Откуда это масло? – спросил Барт, глядя на воду.

Маслянистое пятно, которое Джин вначале приняла за тюлений жир, растекалось по течению, словно река, впадающая в море. И тут она увидела в нем обломки дерева и кусок обугленного по краям белого стеклопластика. Мимо пронесли куски синей полистироловой изоляции, пустая бутылка из-под минералки с лимоном, два красных спасательных жилета с нанесенным на них по трафарету названием лодки «Салли Би».

– Бог ты мой! – воскликнула Джин. – Мы же знаем эту лодку!

– Видел ее миллион раз. Она с причала «Западный Ветер», – подтвердил Барт.

– Похоже, она загорелась, – произнесла Джин, глядя на проплывающую мимо испачканную сажей зелёную подушку. Она вгляделась в горизонт в поисках дыма или все ещё тлеющего судна.

R 22, красный буй с колоколом, обозначающий риф Аллена, раскачивался в приливном течении в ста ярдах к югу. Колокол издавал звон в набегавших волнах, но сквозь этот скорбный звук Джин слышала голос – очень слабый, зовущий на помощь.

Джин опустила Мэгги в ноги и направила судно к бую. Барт, спотыкаясь, спустился вниз, взял рацию и вызвал береговую охрану. Джин слышала, как он передает оператору их GPS-координаты.

– Тут лодка затонула, – сказал он. – «Салли Би». Остались выжившие. Мы их слышим, возле буя R 22. Направляемся туда.

Джин увеличила скорость. Когда они приблизились к бую, она увидела мужчину, цепляющегося за красную металлическую конструкцию, которая поднималась высоко над водой, бесконтрольно раскачиваясь в приливных волнах. Она не знала имени мужчины, но узнала его – он был одним из многочисленных местных владельцев яхт, которые приветствовали друг друга, проходя по каналу. Джин часто видела женщину и двоих детей рядом с ним на кокпите. Поняв, кто он такой, и задаваясь вопросом, что случилось с его семьей, она почувствовала, как к ее горлу подступили слезы.

Глава 6

Конор

В Катамаунт-Блафф вела грунтовая дорога. Не имея каких-либо обозначений, она извилялась вдоль западной границы охраняемого лесного заповедника площадью в семьсот акров. В начале дороги стоял охранник. Конор узнал его, это был Терри Брукс, офицер полиции Блэк-Холла. В том, что городские полицейские подрабатывали частными охранниками в элитных комплексах вдоль береговой линии, не было ничего необычного. Проехав мимо, Конор пома- хал ему.

Его «Форд Интерцептор» легко преодолевал выбоины на дороге, следуя за Гриффином Чейзом. Они миновали три почтовых ящика. Дома, к которым относились эти ящики, были скрыты за живой изгородью. Этим местом владела потомственная денежная аристократия, которая не утруждала себя установкой навороченных ворот или даже асфальтированием дороги.

Дорога заканчивалась у дома Чейза. Конор заехал на разворотный круг перед огромным домом с серебристой черепицей, стоявшим на утесе над скалистым пляжем. Вдали переливались воды пролива Лонг-Айленд. Конор удивился, увидев Бена Маркхэма, полицейского Блэк-Холла, стоящего у входной двери в униформе.

Конор немного помедлил, прежде чем выйти из машины, наблюдая, как Гриффин разговаривает с Маркхэмом. Они явно были хорошо знакомы. Маркхэма вызывали для дачи показаний на некоторых судебных процессах Гриффина. К тому же, будучи местным полицейским, он скорее всего регулярно патрулировал эту местность и, возможно, дежурил в качестве наемного охранника, как и Брукс.

Старый просторный дом Чейза был построен на акрах береговой линии – стоимость этой собственности намного выше, чем могли бы позволить себе средней руки прокурор и художница, но все знали, что Гриффин происходил из богатой семьи.

Конор даже решил, что это, должно быть, один из самых дорогих объектов недвижимости во всем штате. Он вышел из машины, подошел к двум мужчинам и обменялся приветственным кивком с Маркхэмом.

– Я позвонил Бену и попросил его встретиться с нами тут, – объяснил Гриффин.

– Понятно, – ответил Конор. Он не слышал звонка по полицейской рации и понял, что Гриффин звонил ему на мобильный.

– Клэр очень нервничала, – сказал Гриффин. – Джеки говорит, что это всего лишь мандраж, но я не знаю. Всю эту неделю ее что-то беспокоило, но она ни за что не пропустила бы свою выставку.

– Думаешь, с ней что-то случилось? – нахмурившись, спросил Маркхэм и бросил взгляд на дом.

– Уверен, с ней все хорошо, – ответил Гриффин. – Но давайте ее найдем. Начнем с ее студии.

Он повел их вокруг дома через арку в живой изгороди из бирючины к добротному амбару, построенному на краю обрыва. Он выглядел новым по сравнению со столетним или около того домом. Гриффин отпер дверь, и Маркхэм с Конором вошли внутрь. Конор быстро осмотрел помещение. Открытая планировка, окна, выходящие на север, мольберт, рабочий стол, кушетка и книжные полки. В студии пахло масляной краской, скипидаром и пляжем.

– Она сама ее спроектировала, – поделился Гриффин. – А я построил для нее.

В помещении не было внутренних стен – негде спрятаться.

– Ее здесь нет, – заметил Конор.

Гриффин кивнул и уже скрылся за дверью. Маркхэм шел рядом с ним. Конор следовал в нескольких шагах позади и рассматривал дом. Застекленные двери и огромные окна выходили на море. Двери были закрыты, стекла целы. Гриффин достал ключ и открыл кухонную дверь. Конор оглядел огромное помещение – почти все стены и поверхности были белыми. Он увидел плиту «Викинг», широкий холодильник и рейки с медными кастрюлями, подвешенными над огромным островом с белой мраморной столешницей. В раковине в фермерском стиле стояли грязные тарелки и две кружки с недопитым кофе.

– Вы сказали, что вместе завтракали? – спросил Конор.

– Да, – ответил Гриффин.

– В каком часу вы уехали?

– Где-то без пятнадцати восемь. В девять у меня была назначена досудебная конференция.

– А Клэр собиралась покататься на лодке?

– Да, она собирала вещи, когда я уходил.

– А она могла бы уйти из дома, не помыв посуду?

Гриффин удивленно посмотрел на него. Конор не собирался никого оскорблять, прокомментировав, как Клэр ведет домашние дела, но хотел установить хронологию событий.

– Могла, – ответил Гриффин. – Когда на нее находило вдохновение, она могла потерять чувство реальности.

– Вдохновение? В ее художественных работах?

– Да. Посещение пристани – часть этого. Она собирает разные предметы, найденные на пляже, и использует их в своих работах. Для нее прогулка по пляжу или на лодке – такое же искусство, как и создание самих произведений. Это успокаивает ее. И ей это было необходимо, особенно в последнее время. Я понятия не имею, что с ней происходит. Последнее время она была, не знаю... рассеянной.

Конор вспомнил вечер понедельника, когда Клэр неожиданно заглянула на семейный ужин к Джеки с Томом. Он заметил что-то в ее душевном состоянии, но сейчас умолчал об этом.

Конор медленно обошел кухню. На мраморной столешнице он заметил блок для ножей из темного дерева с маркировкой «Сабатье». Одно отверстие пустовало.

– Что тут обычно находится? – указал Конор. Гриффин уставился на блок.

– Разделочный нож, я думаю.

– А он может быть где-то еще? – спросил Конор.

– В посудомоечной машине? – ответил Гриффин вопросом на вопрос и открыл ее. Она была пуста. – Иногда наемная уборщица кладет вещи не на свои места. В кухонный шкаф или ящик с хозяйственными принадлежностями. – Он порылся и там, и там, но разделочного ножа «Сабатье» нигде не было видно.

– Куда дальше? – спросил Маркхэм.

– Наверх, – ответил Гриффин. – В спальню.

Маркхэм с Гриффином исчезли в коридоре, но Конор остался. Он учуял что-то чужеродное. Это не обязательно свидетельствовало о смерти, но волосы на затылке встали дыбом.

Он проверил небольшую ванную комнату рядом с кухней, но там было чисто. Нет, запах шел через дверь, которую он не заметил раньше, приоткрытую в конце короткого прохода. Ногой он открыл дверь шире и вошел в старое строение, которое, похоже, служило гаражом.

Конору и раньше приходилось сталкиваться со смертью, и он сразу же понял, что это не тот случай. Запах был сильным, как у животного, помечающего свою территорию. Он нашел источник, пригоршню вонючих гранул, рассыпанных возле высокого ряда полок с садовыми принадлежностями. Пахло так, будто какое-то животное опрыскало пол мочой. У Чейзов были кошки? Или внутрь пробрался скунс либо енот?

Гараж, скорее амбар или старый экипажный сарай, слегка просел. Он был древним и на протяжении столетия страдал от суровых прибрежных штормов. Конор взглянул на грубо отесанные стропила, между ними лежал лист фанеры, служивший импровизированной платформой для хранения весел, парусных мешков и разобранной мачты. В гараже было место для трех автомобилей, черный «Рейндж-Ровер» был припаркован на одном из них, два других пустовали. Двери в амбарном стиле были закрыты, но вечерний свет проникал через две пары окон.

Он заглянул в машину – она выглядела чистой и пустой, никаких признаков Клэр. Конор обошел машину сзади, ближе к стене, и увидел кровь. Пятна ржавого цвета на бетонном полу, на дверях «Рейндж-Ропера» и на бампере с правой стороны, лужа свернувшейся крови рядом с колесом.

Он обошел машину спереди и обнаружил на полу два обломка сосновых балок размером два на четыре дюйма. Длинная белая веревка, из тех, которыми пользуются на лодках, лежала рядом. Один конец был в крови, кровь выглядела более свежей, чем остальные коричневые пятна. Веревка была разрезана посередине, никаких протертых концов. Конор задрал голову и увидел, где сломалась балка. Он присел на корточки, чтобы осмотреть обломки. В щепках застряли белые волокна, как будто там крепилась веревка. Полотенце в бело-синюю полоску, пропитанное кровью, скомкано и брошено под машиной.

Ясно, что тут было совершено жестокое нападение. Гриффин сказал, что Клэр была рассеянной. Могла ли она зайти в гараж, где поджидал преступник, и не заметить приближения нападавшего? Она потеряла много крови. Конор быстро осмотрелся в поисках ножа, но ничего не нашел.

Конор услышал голоса, доносившиеся из кухни. Он пошел на их звук, снова открыв дверь ногой. С момента приезда он не прикоснулся ни к одной поверхности. Гриффин с Маркхэмом как раз собирались войти в гараж, но Конор остановил их. Гриффин побледнел.

– Вы были правы, – подтвердил Конор. – Кое-что случилось.

– Вы ее нашли? Я хочу ее видеть, – потребовал Гриффин. Он попытался проскочить мимо, но Конор схватил его за плечи.

– Ее здесь нет, Гриффин, – ответил Конор. – Но там много крови.

Гриффин ухватился за мраморную столешницу, потом опустился на корточки, как будто у него ноги подкосились. Маркхэм наклонился, чтобы поддержать Гриффина.

– Бен, вызывай ребят, – сказал Конор Маркхэму.

Маркхэм достал рацию и позвонил диспетчеру полиции штата.

– Вы в порядке? – спросил Конор Гриффина, внимательно наблюдая за его реакцией.

– Нет, – ответил Гриффин едва слышным шепотом.

Конор подождал несколько секунд, затем помог Гриффину подняться на ноги. Жители Коннектикута любили Гриффина, ему были преданы практически все полицейские, которых Конор знал. Его жена пропала, и Гриффин всем своим видом показывал, что шокирован. Конор увидел, как он достал из кармана телефон, повернулся к нему спиной и отошел, чтобы позвонить. В этом не было ничего необычного. Но у Конора возникло странное чувство, и ему стало очень интересно, кто же был на другом конце провода.

Глава 7

Том

Катер «Салли Би» был назван в честь дизайнера интерьеров Салли Бенсон – сорокадвухлетней жены Дэна Бенсона, матери Гвен и Чарли, и владелицы йорка, Мэгги. На данный момент живыми были найдены только Дэн и собака. Капитан береговой охраны США, Том Рид, находился в самом разгаре поисково-спасательной операции (ПСО), проводимой для определения местонахождения Салли, Гвен и Чарли.

С момента, как члены семьи Бенсонов были объявлены пропавшими без вести, на место крушения были направлены морские и воздушные суда, а диспетчеры ПСО начали собирать данные для создания моделей, которые помогут в поиске. Они проанализировали такие факторы, как обломки судна, прилив, течения, температуру воздуха, температуру поверхности воды, направление и скорость ветра. Они скоординировали информацию, которую предоставили следователям Джин и Барт Данхэм, а также Дэн Бенсон в ходе очень короткой беседы. Он находился в шоковом состоянии от полученных травм и был доставлен в больницу Истерли.

Моделирующее устройство выдало расчетный алгоритм ориентировочного дрейфа, чтобы помочь с определением района поиска. Последнее известное местоположение «Салли Би», сорокадвухфутового прогулочного катера с каютой, вызвало определенные проблемы, потому что недалеко от этого места пролив Лонг-Айленд соединялся с проливом Фишерс-Айленд, впадал в пролив Блок-Айленд, а оттуда в Атлантический океан, что значительно увеличивало зону поиска. А теперь еще и ночь наступила.

Солнце зашло в восемь сорок. К тому времени, полчаса назад, поисково-спасательные работы велись уже больше двух часов. Том находился на борту двухсотсемидесятифутового катера береговой охраны США «Нехантик». К поискам присоединились два спасательных корабля длиной по сорок пять футов каждый, со станции береговой охраны Порт-Твигг, штат Род-Айленд, морской патрульный самолет «НС-144» с неподвижным крылом и вертолет модели «МН-60 Джейхок» с авиабазы Кейп-Код.

Несмотря на то, что день был теплым (максимальная температура достигала семьдесят шести градусов по Фаренгейту – теплее, чем в среднем для конца мая), к девяти вечера температура упала до пятидесяти девяти градусов. Температура поверхности воды составляла пятьдесят один градус. В таких условиях человек мог бы прожить от тридцати минут до часа. Меньше, если сильно ранен, очень стар или очень молод.

Гвен было девять лет, а Чарли – семь.

Судя по обломкам судна, и тому, что Том услышал из короткой беседы с Дэном Бенсоном, на борту «Салли Би» произошел чудовищный взрыв. За исключением фрагментов корпуса и некоторых личных вещей, найденных поблизости, катер затонул над глубоким рифом, идущим перпендикулярно течению, где морское дно резко поднимается со ста тридцати одного до пятидесяти двух футов.

Дэн Бенсон забрался на основание буя с колоколом R 22 и в настоящее время находился в больнице Истерли, где проходил лечение от переохлаждения, ожогов рук и предплечий второй и третьей степени и прокола легкого. Ему дали успокоительное и в срочном порядке отвезли в операционную, чтобы восстановить поврежденное легкое. По словам капитана-лейтенанта береговой охраны США, Алисии Готье, которая разговаривала с пострадавшим два часа назад, Бенсон был безутешен. Точные ее слова – «в истерике». Он плакал и молил, чтобы его детей нашли.

– А что насчет Салли? – спросил Том.

– Он не упоминал о ней, – ответила Готье. – Только о детях.

– А ты не расспросила его об этом? – поинтересовался Том, задаваясь вопросом, что именно видел Бенсон. Стал ли он очевидцем того, как погибла или умирала его жена, но не дети?

– Он едва мог говорить. Мне удалось узнать у него лишь то, что Салли спустилась вниз, чтобы приготовить ужин, – ответила Готье. – Дети играли на каком-то плоту на палубе. Похоже на игрушечную лодку. Желтую. И он сказал, что они были в спасательных жилетах – семейное правило на воде.

– Значит, они были с ним на палубе.

– Рядом с ним. В игрушечной лодке. Том, а что, если их обоих выбросило за борт вместе с ним?

– Здесь ужасно холодно, – произнес Том, окидывая глазами водную поверхность. – Спасибо, Алисия.

Том размышлял, случился ли взрыв, когда Салли находилась внизу? Может, пропановая плита вышла из строя? Или что-то загорелось на конфорке? Или топливо протекло в трюм и воспламенилось от искры?

Поисковые прожекторы осветили океан и небо. Что если Салли и дети, как Дэн и собака, спаслись от пожара? Даже если и так, вряд ли им удастся остаться в живых в такой холодной воде ночью. К некоторым спасательным жилетам прикреплены свистки и водонепроницаемые фонарики. Было бы тяжело разглядеть что-то в ярком свете прожекторов, трудно услышать из-за гула корабельных и авиационных двигателей, но Том знал, что каждый офицер, участвующий в поисках, был начеку.

У Тома зазвонил телефон. Он взглянул на экран. Это была его падчерица, Хантер Тайрон. Вдохновленная младшим братом Тома, Конором, она вступила в ряды полиции штата Коннектикут и была рьяным новичком. Том отправил сообщение по умолчанию: **«Не могу сейчас говорить»**. Две секунды спустя она ответила: **«Чрезвычайная ситуация. Возьми трубку!»**

Она снова позвонила, и на этот раз он ответил на звонок.

– Хантер, что такое?

– Ты участвуешь в поисково-спасательной операции Бенсонов?

– Да, и именно поэтому не могу сейчас говорить.

– Том, я в больнице с Джейком – ее напарником. Детектив Миано тоже здесь.

– Джен, да? – уточнил Том. Джен Миано несколько лет была напарником Конора.

– Она только что закончила разговор с отцом, он после операции. Она собирается позвонить в центр управления береговой охраны, но я знаю, сколько времени может потребоваться, пока эта информация дойдет до вас, ребята, поэтому хотела убедиться, что ты ее сразу получишь.

– Что она собирается нам сказать?

– Во-первых, Дэн сказал: «Они добрались до нее». Он все время это повторял.

– Что это значит? – спросил Том. – Он говорил о Салли?

– Не знаю. Он был не в себе. Детектив Миано расспросит его более подробно, когда тот проснется. Но послушай, Том, дети могли выжить. Дэн сказал, что они играли в маленькой лодке, и, когда он всплыл на поверхность после взрыва, то увидел, как она уплыла, неповрежденная.

– Это был игрушечный плот, – сказал Том. – Я уже слышал об этом от нашего следователя.

– Нет, это была не игрушка. Он сказал, что дети иногда играли в нем, это был настоящий спасательный плот. Они могут быть живы. Это вполне вероятно.

– Ничего себе. Спасибо, Хантер, – ответил Том и быстро повесил трубку. Затем связался по радиации с остальной группой, и поисково-спасательные работы продолжились с совершенно

новым настроем. Теперь велись поиски маленькой желтой лодки с двумя детьми Бенсонов на борту.

За пять дней до нападения

Глава 8

Клэр

В воскресенье утром я проснулась перед самым рассветом. Гриффин спал рядом, и я тихонечко выбралась из постели, чтобы не разбудить его. Включила кофеварку на кухне, затем схватила свою красную флисовую куртку «Патагония» и вышла на улицу. Воздух был прохладным, солнце еще не взошло, небо на востоке начинало светиться ясной синевой.

Вместо того, чтобы направиться по тропинке через лес, я спустилась по шатким ступенькам на пляж и шла вдоль линии прилива. Накатывавшие на берег волны успокаивали меня своим шумом. Когда взошло солнце, я начала собирать ракушки и морское стекло. На мокром песке поблескивали лунные камни. Они бряцали, пока я набивала ими карманы. Прогулки по пляжу всегда были моим утешением и вдохновением.

Во время метели в декабре прошлого года на наш пляж выбросило целое дерево, вырванное ветром с корнем. Ветер и волны содрали с него кору. То, что осталось, было великолепной реликвией цвета слоновой кости. С каждым последующим штормом ветви и корни понемногу разламывались. Мне всегда было интересно, откуда взялось это дерево, и я остановилась, чтобы посмотреть на него. Ветки и сломанные сучья блестели в первых лучах утреннего солнца. Я подобрала несколько самых маленьких веточек, чтобы добавить к другим своим находкам.

Добравшись до бухты, я не смогла удержаться и подошла прямо к тому месту, где двадцать пять лет назад нашла тело Эллен Филдинг. В последнее время я часто сюда приходила, словно меня притягивала какая-то могущественная сила. У нас с Эллен было столько общего. Мы обе видели другую сторону Гриффина, ту, которую он скрывал от всех остальных. Впрочем, у меня даже появились сомнения относительно того, видела ли ее Марго. Но интуиция подсказывала мне, что видела.

Одно время я оставляла цветы в мелком водоеме, где лежало тело Эллен, но они казались слишком красивыми, слишком легкомысленными. Поэтому я начала оставлять гальку, лунные камни и камни желаний, гладкие круглые камушки, идеально обведенные контрастным кольцом. Я присела на корточки и положила пригоршню подношений прямо в воду. Казалось, будто этих лет как ни бывало, я вспомнила звук крабов. Пока там сидела, я собрала несколько пустых крабовых панцирей и клешней, которые уже не блестели как раньше, а были высохшими и ломкими, выцветшими от морской воды и солнца до бледного красно-оранжевого цвета.

– Я почти у цели, Эллен, – прошептала я. – Ты помогла мне прийти к этому. Но обещаю, я вернусь сюда несмотря ни на что. Я собираюсь уйти от него. И собираюсь все рассказать.

– С кем ты разговариваешь? – спросил Гриффин. Я подпрыгнула, настолько испугавшись, что чуть не упала в воду. Гриффин стоял прямо за моей спиной. И я даже не слышала, как он подошел.

– Зачем ты поднялся в такую рань? – поинтересовалась я с бешено колотящимся сердцем.

– И тебе доброе утро, – ответил он. Гриффин протянул руку, чтобы помочь мне встать. – Я слышал, как ты уходишь, и решил, что ты пошла на пляж. Меньше недели до открытия твоей выставки. Ты что-то доделываешь в последнюю минуту?

– Да, – ответила я. – У меня еще одно панно не закончено.

– Ну, сегодня воскресенье, мой единственный выходной, и я надеялся, что мы сможем покататься на лодке, – произнес Гриффин. – Удобный момент для фотосессии. Вестник «Морское побережье» присылает фотографа. Ну, знаешь, чтобы осветить прогулку семьи Чейзов, показать, что кандидат – тоже человек.

– Все тебя и так уже любят, Гриффин, – отметила я. Мог ли он догадаться о моих истинных чувствах? Мысль о том, что мне придется играть роль улыбающейся жены, стоя рядом с ним во время выборов, потрясла меня до глубины души.

– Ты поедешь на прогулку? – спросил он.

– Конечно, – ответила я, потому что такая формулировка всегда была правильным ответом для Гриффина. – Может, сначала позавтракаем? И позволь мне отнести свои находки в студию.

– Клэр, что ты собираешься делать сдохлыми крабами? – спросил он, заметив кучу панцирей, которые я сложила на каменный выступ. – Ты ведь хочешь, чтобы твои работы продавались? Коллекционеры не станут покупать то, что пахнет гнилью. – Он раздавил ногой хрупкие крабовые панцири.

Я собралась с духом и притворилась, что мне все равно. В свое время я отреагировала бы, но теперь стала мудрее. Существовал и другой способ.

– Ты мне еще спасибо скажешь, – заявил он. – Когда войдешь в галерею в пятницу, и люди не будут стоять с зажатыми носами. Верно?

– Верно, – согласилась я.

Один из приемов Гриффина заключался в том, чтобы обидеть и оскорбить меня, затем заставить сказать, что я «согласна-понимаю-восхищаюсь им за то, что он всем сердцем желал мне только лучшего». Бороться с этим было бессмысленно.

– Зачем ты вообще сюда пришла? – спросил он.

– Люблю пляж.

– Я говорю не о пляже, – продолжил он. – А об этой бухте. Она полна травмирующих воспоминаний для нас обоих.

– О, Гриффин, – произнесла я. – Помнишь ту ночь, когда ты провожал меня домой в Хаббардс-Поинт и сказал, что эта ночь только для нас, что мы должны помнить ее за наш поцелуй и падающие звезды?

Он уставился на меня. Понял ли он, что я насмехаюсь над ним? Этот момент мог закончиться с любым исходом. Я напряглась, готовая к скандалу. Но он решил позволить мне потешить его самолюбие.

– Ты права, – произнес он. – Та ночь стала нашим началом.

– Да, стала, – согласилась я, глядя в его глаза цвета морской волны, и постаралась вспомнить те чувства, что испытывала, лежа на покрывале и ожидая его поцелуя. Он по-прежнему оставался самым красивым мужчиной, которого я знала. Он обладал пронизательным взглядом, на работе смотрел прямо на подсудимых, видел, кем они были, и использовал свои знания, чтобы признавать их виновными. Когда он обратил этот свой взгляд на меня, мне показалось, что он может заглянуть мне прямо в душу. Я всегда так чувствовала.

– Когда я только подошел, – сказал Гриффин, – я слышал, как ты что-то говорила.

– Не помню, – соврала я, думая: «Я собираюсь уйти от него. И я собираюсь рассказать, что знаю». – Наверное, разговаривала сама с собой.

Я ждала, что он не поверит и начнет спорить, но этого не произошло. Гриффин просто стоял и смотрел на меня. Затем расплылся в улыбке.

– Давай вернемся и позавтракаем, – сказал он. Его улыбка стала шире. – Я очень хочу выйти на воду, день обещает быть прекрасным.

Мы пошли обратно. Когда я была молодой, то считала, что жизнь в Катамаунт-Блафф будет бесконечно счастливой и вообще чем-то самым потрясающим из всего, что только могло бы произойти. Бывало, я смотрела на большой дом, где дорога заканчивалась у моря, и представляла себе людей, которые в нем жили. Наивная девушка, которой я когда-то была, представляла Гриффина и его друзей в синих блейзерах, девушек в сарафанах, джинс с тоником на

серебряных подносах, и все счастье, уверенность и великодушие, которые должны являться результатом спокойной, обеспеченной жизни.

Шесть лет назад мы поженились чуть дальше по дороге, в доме Локвудов. Церемония была небольшой. Александр с Фордом были шаферами Гриффина. Нашими единственными гостями стали Леонора и Уэйд, Джеки и Том. На мне было серо-голубое платье и веночек из цветов в волосах. На Гриффине – брюки цвета хаки и белая льняная рубашка. Он держал меня за руку, пока мы стояли перед Инид Дрейк, мировым судьей, и поцеловал меня в середине церемонии, до того, как она объявила нас мужем и женой.

– Немного нетерпеливы? – улыбаясь, спросила Инид.

Гриффин не обратил на нее внимания, лишь улыбнулся и снова поцеловал, прежде чем Инид смогла продолжить церемонию.

Вместе мы были грозovým штормом, но без грома и молнии, одно сплошное электричество. В то лето после колледжа я испытывала по отношению к нему безумное желание, затем пыталась подавить его, пока была с Нейтом. Но с той самой минуты, как мы встретились на вечеринке в Блэк-Холле, это желание снова овладело мной.

Когда я в то утро возвращалась домой из бухты, карманы куртки были переполнены находками с пляжа. Гриффин направился в дом через кухонную дверь, а я улизнула сквозь живую изгородь в свою студию. Зайдя туда, сделала глубокий вдох – вот мой настоящий дом, намного роднее, чем большой дом. Я обрела спокойствие, приходя сюда.

Мои коллекции были разложены по корзинам и глиняным чашам – отдельно раковины мидий, раковины моллюсков Куахог, раковины береговых и лунных улиток, зеленое морское стекло, коричневое морское стекло, интересные кусочки морских водорослей и коряг. Я опустошила карманы, положив каждый предмет на свое место. Очищенные морем ветки отправились прямоком на рабочий стол – я собиралась добавить их в свою последнюю работу.

Несколько секунд я смотрела на большую корзину. Она была полна панцирей ракообразных: омаров и крабов. Я все еще слышала хруст под ботинком Гриффина, когда он со злостью раздавил те, что я собрала сегодня утром.

Что сделало его таким? Этот вопрос постоянно крутился у меня в голове, потому что ответ был слишком ужасен. Другой вопрос: почему я оставалась с ним так долго? Тяжесть его утреннего гнева накатила на меня, и я знала, что воспользуюсь этим звуком и чувством, которое он вызвал в моей груди, чтобы закончить свой проект.

Я проверила, на месте ли письмо. Оно прибыло неделю назад, и я размышляла, что с ним делать. Написанное на дорогой английской бумаге голубого цвета, украшенной монограммой «ЭК», оно появилось из ниоткуда от женщины, с которой я встретила лишь раз. Я оставила письмо в его тайнике, решив, что разберусь с ним после открытия своей выставки.

Когда я вошла в нашу большую стерильно-белую кухню, Гриффин сидел за столом и читал вестник «Морское побережье». Он готовился начать судебный процесс по обвинению Гарри Джексона, учителя средней школы, в сексуальном насилии над двумя ученицами. Статьи об этом выходили почти каждый день.

Я открыла холодильник, достала бекон, яйца и спелую дыню. Затем снова наполнила его чашку кофе, налила и себе. Пока бекон жарился, я поставила дыню на столешницу. Гриффин переделал кухню после нашей свадьбы. Он рассказал мне о своих планах в конце мая, когда мы сюда переехали. Мы вернулись из медового месяца в Италии раньше, потому что ему нужно было присутствовать на судебном процессе. Он перенес меня через порог и объявил:

– Попрощайся с этой старой кухней, Клэр. Я собираюсь сделать для тебя новую.

– Но я люблю эту! – воскликнула я. Она была уютной, выполненной в прибрежном стиле, и ничего навороченного: столешницы разделочных столов потерты и поцарапаны. Фарфоровой раковине было лет семьдесят, а то и больше. Дубовый переносной холодильник использо-

вался как домашний бар, а черно-белые фотографии семьи Чейзов висели на стенах, обитых вагонкой.

– Здесь слишком много воспоминаний, которые я хочу стереть, – ответил он.

– Правда? – спросила я с сочувствием. Я полагала, что у него было хорошее детство, возможно он был не так близок со своими родителями, как я, но был счастлив и рос в любви. – Ты мало говоришь о своем детстве.

– Тут не о чем говорить, – ответил он. – Я предпочитаю жить настоящим. Стереть память о своих родителях, о Марго.

Я молчала и слушала.

– Она сидела там, – указал он на диванчик у окна, который я уже облюбовала как чудесный уголок для чтения. – А это был ее бар. – Гриффин махнул в сторону дубового сундука. – Она всегда находилась рядом с ним.

– Должно быть, это было больно, – сказала я.

– Ее пьянство? Да, можно и так сказать.

– Мы можем сделать ее нашей, – тихо предложила я. – Изменить кое-что по мелочам. Я не хотела навязывать свой стиль в этом доме, которым его семья владела несколько поколений, но предположила, что мы могли бы купить новые шторы, покрасить шкафчики.

Гриффин не ответил. Он разложил проекты на столешнице. Меня это слегка шокировало. Неужели он уже их составил?

– Общий план разработан Дэвидом Мастерсоном из «Честер Архитектс». Он – самый лучший архитектор в Новой Англии. Тебе это понравится.

– О, Гриффин... Мне нравится уют этой кухни. Тебе необязательно тратить деньги, чтобы осчастливить меня, как раз наоборот. Я просто хочу, чтобы мы были вместе. Я буду готовить тебе все, что ты любишь, прямо здесь. Мы можем ловить рыбу на пляже, жарить на гриле луфарей и полосатых окуней, которых наловим. Я также хочу разбить огород. – Я взглянула на эмалированную плиту на другом конце кухни, мне не терпелось ею воспользоваться.

– Я нанял Салли Бенсон, чтобы она сделала дизайн, – продолжил Гриффин, как будто не слышал меня. – Дэвид дает ей свои лучшие рекомендации, говорит, она сделала интерьер в гостинице «Пемберли», а также в нескольких очень важных объектах в Уотч-Хилл и Ньюпорте. У нее потрясающее видение. – Он сделал паузу. – Ее муж – мой знакомый.

Я слышала о Салли Бенсон и знала, что у нее отличная репутация, но меня задевала мысль о том, что кто-то другой займется переделкой кухни, которую я уже полюбила и в которой чувствовала себя как дома. Я не могла перестать поглядывать на диванчик у окна.

– Гриффин, – начала я (он был моей подростковой влюбленностью, любовью всей моей жизни, самым страстным мужчиной, с которым я когда-либо была). – Ты – все, что мне нужно. А не новомодная кухня. Кроме того, если тут начнется большой ремонт, в нашем доме будут находиться рабочие. И кто знает, как долго. Мы молодожены, и я просто хочу побыть с тобой наедине. Мы...

Выражение его лица остановило меня.

Тогда это случилось в первый раз. И я запомнила тот момент до самой смерти. Будто я щелкнула выключателем. Мой любящий муж, который постоянно говорил, что обожает меня, счастлив быть со мной, любит меня до смерти, превратился в кого-то, кого я никогда не видела. Он сердито смотрел на меня, и его глаза изменили цвет с бледно-зеленого на абсолютно черный.

– Ты унижаешь меня, – произнес он. – Вместо того, чтобы принять мой подарок, ты пихаешь его мне в глотку. Ты хоть представляешь, как сильно это меня обижает? – Его лицо потемнело и исказилось. Он сделал шаг ко мне. Я видела, как напряглись его плечи, руки сжались в кулаки, но больше всего напугали меня его черные глаза.

– Гриффин, – сказала я, запаниковав и откинувшись назад, потому что подумала, что он собирается меня ударить. И тут оно случилось: мое первое извинение. Искреннее на тот момент.

– Мне так жаль, если я сказала что-то не так. Я не хотела тебя обидеть.

– Но ты причинила мне боль.

Мои глаза наполнились слезами, потому что я была напугана и потому что определенно задела Гриффина за живое. Я всегда считала его жестким человеком из-за той работы, которую он выполнял. Он был чутким по отношению ко мне, к жертвам преступлений, чьи дела вел, но я никогда бы не подумала, что он такой ранимый. Обидчивый.

– Прости меня, – прошептала я снова.

– Я не хочу тебя бить, – произнес он. – И поэтому нужно, чтобы ты убралась с моих глаз. Либо я уйду, либо ты. Сама выбирай. Мне нужно побыть одному.

Я превратилась в ледяную скульптуру, застывшую в шоке. Не дожидаясь моего ответа, он вышел из дома. Услышав, как завелась и уехала машина, я вообще была ошарашена. И до смерти напугана.

Я не могла перестать вспоминать его сверкающие яростью черные глаза. Как зеленые глаза могли превратиться в черные? Было ли это игрой моего воображения? Или игрой утреннего света? Я только что стала свидетелем того, как мой муж превратился в чудовище.

Но чем дольше его не было дома в тот день, тем больше мои эмоции менялись. Я сказала себе, что, должно быть, ошиблась. Глаза не могут менять цвет – мне показалось. И правильно ли я его расслышала? Гриффин никогда не стал бы мне угрожать. Только не этот человек, которого я так долго любила.

Я поймала себя на том, что думаю о его словах, о том, что причинила ему боль. Интересно, что мне можно было бы сказать по-другому? Была ли причина в моем тоне? Я посмотрела на планы кухни. Гриффин хотел удивить меня, думал, что приведет меня в восторг. Я начала убеждать себя: это неудивительно, что моя реакция обидела его. Я не оценила подарок, отвергла его усилия, проявила неблагодарность за то, что он хотел потратить столько денег на кухню, чтобы сделать меня счастливой.

Когда он вернулся, то был прежним самим собой. Принес мне букет подсолнухов с фермы Грей Гейблз, обнял меня и поцеловал. Я задрожала от облегчения при его прикосновении, при виде его зеленых глаз. Он откинул голову назад и улыбнулся.

– Я никогда не хотела причинить тебе боль, – сказала я.

– Да, охотно верю, – ответил он. – Знаю, что ты не специально.

– Если хочешь сделать новую кухню, хорошо. Здорово, – согласилась я.

– Клэр, это так много для меня значит. Я тебя обожаю.

– Я тоже тебя люблю, – отозвалась я, и он повел меня наверх, в нашу спальню с окнами во всю стену, выходящими на море.

Я с полной уверенностью говорила себе, что не принадлежу к тому типу женщин, которые подвергаются домашнему насилию, как будто такой вообще не существовал. Я была сильной, могла позаботиться о себе и могла справиться с болью других и выдержать ее за них. Но насилие имеет накопительный характер, хотя на первый взгляд может показаться, что оно происходит внезапно. Я была похожа на омара в кастрюле с холодной водой, температура которой понемногу повышалась, прежде чем я поняла, что мне грозит опасность. Каждое извинение, принесенное Гриффину, уничтожало кусочек моей души, приближало меня к тому, чтобы быть сваренной заживо, потому что я понемногу теряла себя. Снова. И снова.

Получилось так, что Гриффин очень тесно сотрудничал с Салли Бенсон, чтобы создать кухню, которая у нас сейчас была. Многие посчитали бы ее красивой. Ее представили в журнале «Элитное побережье». Но как бы Гриффин ни хотел, чтобы я полюбила эту кухню, у меня это не получалось. В ней были белый мрамор, белая плитка, белые стеновые панели, кухон-

ные принадлежности из нержавеющей стали и кухонная посуда, достойная профессионального шеф-повара. Каждая поверхность отличалась гладкостью и стерильностью. И она напоминала мне о том дне, когда я впервые увидела, как его глаза стали черными.

Самое смешное, несмотря на то, что цветовую гамму, которую Салли выбрала для нашей кухни, я считала очень холодной, сама Салли была душевным человеком. Когда она закончила проект и приехала, чтобы завезти букет белых цветов, она радостно улыбнулась мне и обняла меня.

– С тобой было чудесно работать, – сказала она.

– Правда? Меня здесь почти не было. За всем следил Гриффин.

– Ах, Клэр. Ты – потрясающая художница, и я переживала, что не оправдаю твоих ожиданий. Но Гриффин сказал мне, что каждый раз после моего ухода ты проверяла, как идут дела, и тебе нравилась проделанная работа. Меня это очень вдохновляло.

– Я рада, – сказала я, хотя главным образом я держалась в стороне, потому что мне было трудно хвалить помещение, в котором я не могла представить себя живущей.

– Он такой милый, и так тебя любит. Это ей-богу очень трогает меня. Я бываю во многих домах и вижу много браков. Клэр, ваш брак вдохновляет.

Я не могла ничего на это ответить. Я была замужем за Гриффином только два месяца, и уже подумывала о том, чтобы уйти. Эта постоянная борьба, управляемая его настроением. Когда он бывал любящим, я верила, что именно это – настоящий Гриффин, и все между нами наладится. Но, когда он злился, я замыкалась в себе, впадала в депрессию. И задавалась вопросом – не это ли настоящий Гриффин? И часто в такие ночи мне снилась Эллен. Я еще не думала, что это он убил ее, но, если Гриффин обходился со мной подобным образом, возможно, он начал с нее.

– Меня смущало, что ты художница, – призналась Салли. – И не нужно говорить, что ты можешь добавить сюда цветовые штрихи, привнести своей индивидуальности, и кухня будет прекрасной!

– Спасибо, Салли, – поблагодарила я.

Несколько дней спустя Слоан и Эдвард Хоук пришли к нам на ужин, и то, как Гриффин восторженно хвастался кухней, казалось, очаровало Эдварда. Через неделю они подписали договор с Салли Бенсон. Когда работа была закончена, Хоуки пригласили всех соседей по Катамаунт-Блафф на коктейли – Уэйда и Леонору Локвуд, Нила и Абигейл Коффин, Гриффина и меня.

– Выпьем за Салли! – произнесла Слоан.

– Дэн определенно удачно женился, – засмеялся Нил.

– Это точно, черт побери, – согласился Уэйд. – Никогда бы не подумал, что он найдет себе такую девушку.

Я заметила, как Леонора бросила на Уэйда острый взгляд, и мне стало интересно, что бы это значило.

– Ну, она проделала замечательную работу, и мы счастливы, – сказал Эдвард, обнимая Слоан, и мы все подняли бокалы.

Я поймала себя на том, что думала об этом тосте за Салли, пока резала дыню на завтрак Гриффину после нашей неприятной утренней встречи на пляже. Я воспользовалась дорогим французским ножом для очистки овощей и фруктов из набора, который выбрала Салли, потому что считала, что темный деревянный блок создаст потрясающий контраст белой мраморной столешнице.

– Есть какие-нибудь статьи о судебном процессе? – спросила я Гриффина. Он все еще сидел за столом и читал газету.

– Конечно, – ответил он. – Это усложнит отбор присяжных. Не знаю, кто сливает информацию о том, какие у нас есть доказательства, но кто-то определенно это делает. Вот тут:

«Анонимный источник заявляет, что у нас есть нижнее белье учениц с ДНК Джексона на нем».

– Это очень плохо, – сказала я.

Повисла тишина, и звук ножа, разрезающего дыню и стучащего при этом по столешнице, казался оглушающим в его молчании

– Очень плохо? – переспросил он.

– Да, – ответила я. – Я знаю, как тщательно ты оберегаешь имеющиеся факты, и не хочешь, чтобы присяжные слышали...

– Все немного хуже, чем очень плохо, Клэр, – сказал Гриффин. – Знаешь, что Джексон сделал с теми девочками? Я мог бы прямо сейчас рассказать тебе все подробности, хочешь их услышать? Мне нужно беспристрастное жюри. Я не могу позволить себе проиграть крупное дело прямо в разгар своей предвыборной кампании.

– Конечно, – согласилась я. – Я понимаю.

– Конечно. Понимаешь, – передразнил он, оттолкнув стул и швырнув газету на стол. – Если бы ты знала, что мужчины делают с женщинами, то сошла бы с ума.

– Я уверена, что так и было бы, – сказала я. Мой тон свидетельствовал о том, что я что-то задумала.

Он встал и, тяжело вздохнув, сделал шаг ко мне.

– Знаешь, мне на самом деле было неприятно видеть, как ты стоишь на коленях в бухте. Как будто ты преклоняешься Эллен как богине.

– Отнюдь, – возразила я. – Она была таким же человеком, как и я.

– Почему сейчас? Почему ты мучаешь меня ею сейчас? Разве у меня недостаточно забот?

– Не думаю, что я мучаю тебя, – ответила я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно.

– Ты ведешь себя так, будто я имею какое-то отношение к ее смерти. И это оскорбляет меня. Поверь, мне знаком этот синдром. Пара отдаляется друг от друга, и внезапно мужа поливают грязью. Ежегодно в мой офис поступает сотня звонков от женщин, которые говорят, что их мужья совершили ужасные преступления. Они думают, что он – серийный убийца из Маршфилда или водитель грузовика, убивающий женщин на трассе I-95. Ты такая банальная.

– Я до сих пор слышу, как эти крабы едят ее плоть, – сказала я.

– И я тоже, – произнес он. – И разница между тобой и мной в том, что я любил ее. Она была моей девушкой. Знаешь, каково мне было видеть ее такой? Я потерял ее, когда она уехала в Канкун.

– С кем она поехала? – спросила я.

– Какая разница? Это было полжизни назад.

«И половина этой жизни могла бы принадлежать ей», – подумала я. Я поймала на себе его взгляд, почти бесстрастный, как будто он меня оценивал.

– Знаешь, Клэр, – произнес он. – Мне не нужно, чтобы все это крутилось вокруг меня сейчас.

– О чем ты?

– Слухи. Инсинуации.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Люди намекают, что я приложил руку к тому, что произошло с Эллен, – сказал Гриффин.

– Кто на это намекает? – спросила я.

Он ушел от ответа, но продолжил:

– Я в разгаре предвыборной кампании. Я ожидаю, что моя жена и друзья будут защищать мою репутацию, а не сеять сомнения.

– Какие друзья не защищают тебя? – поинтересовалась я.

Он замолчал, просто посмотрел на меня долгим любопытным взглядом. И у меня снова возникло ощущение, что он оценивает меня.

– Завтрак почти готов, – сказала я.

– Я больше не голоден, – ответил он.

– Ладно.

– Видно, что ты не ценишь ни меня, ни мою работу, – продолжил он. – Нейт, великий ученый и защитник окружающей среды – ты восхищаешься им, хотя тебе не терпелось уйти от него и выйти замуж за меня. Но на твоего нынешнего работающего до ломоты в костях мужа, который всего лишь хочет добиться справедливости для двух девочек, которых Джексон изнасиловал разводным ключом, тебе наплевать, для тебя это не имеет значения. Ты можешь думать только об Эллен.

Интересно, как он подобрал слова: до ломоты в костях.

В свое время я бы из кожи вон лезла, просила бы прощение за то, что он неправильно меня понял. Но тем воскресным утром я уже не извинялась. И все же, я должна была сыграть свою роль, хотя бы чуть-чуть, чтобы добиться того, что хотела от этой недели.

– Гриффин, я так восхищаюсь тобой, – сказала я без интонации, как будто читала сценарий. – Ты так сильно переживаешь за свои дела, заботишься обо всех жертвах. Ты такой замечательный, такой заботливый.

– Другие люди так думают, – подтвердил он. – А вот ты – нет.

Гриффин наполнил свою термокюжку кофе, затем повернулся и посмотрел на меня.

– Может, пока я буду на яхте, ты поразмыслишь над тем, что я сказал.

– Я думала, что поеду с тобой, – сказала я. – И с мальчиками.

– Нет, – ответил он. – Я действительно считаю, что тебе было бы полезно подумать о том, чтобы стать более заботливой по отношению к своему мужу, а не вредить ему.

Снаружи, на подъездной дорожке, прошуршали шины.

Гриффин посмотрел на часы.

– Семь пятнадцать, и они как раз вовремя.

Мы оба подошли к двери и увидели, как его два сына вылезают из черного «Порше» Форда. Они присматривали за поместьем одного из крупнейших политических спонсоров Гриффина и жили там же, в гостевом коттедже. Это в тридцати милях отсюда, поэтому ребята встали очень рано, чтобы добраться сюда.

При том, что они были близнецами, только Форд походил на Гриффина: в двадцать один те же рост и телосложение, та же самоуверенность и седая прядь в темных волосах. Александр был выше, но светловолосый, как Марго, чувствительный и менее мускулистый. Они вошли в кухню, одетые для морской прогулки: шорты цвета хаки, футболки поло, бейсболки. У Александра бейсболка яхт-клуба Хоторна, у Форда – его бейсбольной команды из колледжа, и она была надета задом наперед.

– Ну надо же, вы, двое, поднялись с солнцем! – воскликнул Гриффин, улыбаясь, словно мы вообще не ссорились. Он раскрыл объятия, и оба парня обняли его. – Ну разве это не здорово!

– Отец, ты упомянул о катании на яхте, – сказал Форд. – Это по-прежнему в силе? И фотосессия для кампании?

– Разумеется, все в силе, – ответил Гриффин.

– Привет, Клэр, – поздоровался Александр.

– Доброе утро, – сказала я в ответ. – Похоже, будет отличный день для выхода в море.

– Похоже на то, – согласился Гриффин, затем махнул в мою сторону и мило произнес: – Очень жаль, что Клэр не в настроении, чтобы поехать с нами.

– Ты в порядке? – спросил Александр.

– Все хорошо, – ответила я.

– Она просто очень устала, – пояснил Гриффин. – Превратилась в комок нервов, готовясь к своей выставке. Она станет местной знаменитостью, как только люди увидят ее последние творения. Мы так гордимся ею, правда, ребята?

Форд потянулся к плите. Хотя я уже выключила конфорку, бекон всё ещё шипел на сковороде.

– Вы слышали меня? – спросил Гриффин. – Вы гордитесь своей мачехой?

– Гриффин, – произнесла я. – Все нормально.

– Я задал вопрос, – потребовал Гриффин.

– Конечно, – быстро ответил Александр. – Твои работы такие классные.

– Спасибо, – улыбнулась я ему и краем глаза увидела, как Форд лопаточкой достал со сковороды кусочек бекона, подул на него, затем откусил половину и с хрустом начал жевать. Гриффин сердито посмотрел на него.

– Уверена, что вы трое отлично проведёте время на яхте, – сказала я, чувствуя, как атмосфера накаляется.

– Никогда бы не подумал, что сделаю такое, – произнес Гриффин. – Никогда.

– Ты о чем, папа? – спросил Форд.

– Воспитаю парочку животных.

– Гриффин... – начала я.

Гриффин в два шага пересёк кухню и сорвал бейсболку с головы Форда. Она упала прямо в жир от бекона.

– Есть прямо со сковороды. Носить шапки в доме. – Он повернулся к Александру, но тот уже держал в руках свою бейсболку яхт-клуба. Его лицо было совершенно белым. Реакция, казалось, пришлась Гриффину по душе. Он похлопал Александра по плечу.

– Идем, – позвал Гриффин. – Я хочу поймать прилив.

– Нам с Александром ехать за тобой в моей машине? – спросил Форд.

– Александр поедет со мной. Почему бы тебе не отправиться домой и не попытаться очистить жир от бекона с кепки? Попробуй ее замочить.

– Но отец... – возразил Форд. Его лицо стало пунцовым, тогда как Александр побледнел.

– Увидимся позже. Мы все встретимся за ранним ужином в яхт-клубе, – сказал Гриффин. Затем они с Александром зашли в гараж, и я услышала, как распахнулись амбарные двери и завелась машина Гриффина.

– Форд, – начала я, подойдя к нему. Он стоял ко мне спиной, стараясь вытащить свою бейсболку из сковородки. – Просто оставь ее. Я позабочусь об этом.

– Нет, он сказал, что я должен это сделать, – ответил Форд. Он не обернулся. Я положила руку ему на спину, и почувствовала, как его плечи задрожали. Долгое время мы просто стояли так. Звук машины Гриффина затих. Волны разбивались о берег. Чайки кричали, пролетая над домом. Через какое-то время Форд стряхнул мою руку. Я не хотела оставлять его, но знала, что он не вынесет, если я увижу его слезы.

Я вышла из дома и вернулась в свою студию. Там думала о клешнях крабов и этих голых ветках, о панно-витрине, которую собиралась создать, о том, как назову эту работу «Костяшка» и посвящу своему мужу.

Оглядываясь назад, я задаюсь вопросом, давал ли мне Гриффин последний шанс, предлагая подумать о том, чтобы заботиться о нем, а не вредить ему. Или он уже решил, что я – помеха, и приступил к осуществлению своего плана?

И хотя он сделал вид, что не слышал моих слов в бухте тем утром, мы оба знали, что я разговаривала с Элен и сказала ей, что собираюсь уйти. Но мой уход мог бы вызвать много вопросов, спровоцировать «слухи и инсинуации», а Гриффин не мог этого допустить.

Спустя день после нападения

Глава 9

Конор

В субботу утром криминалисты все еще осматривали дом Чейза, и Конор Рид поехал на место происшествия. Все изменилось: теперь они знали, что ДНК принадлежало Клэр. И предполагали – веревку использовали для того, чтобы повесить Клэр на стропильной балке, которая треснула под ее весом. Потеря крови при падении была возможна, но количество и характер кровавых отпечатков на машине и вокруг нее наводили Конора на мысль, что женщину избили, возможно ударили ножом.

Пока что Гриффин Чейз был последним, кто, как известно, видел Клэр в пятницу утром, примерно в семь сорок пять. Она не появилась на причале, как планировала, и так и не приехала в галерею. Место преступления было обнаружено Конором, Гриффином и Беном Маркхэмом около пяти тридцати вечера, а команда криминалистов начала работать в доме час спустя. Это обеспечивало приблизительно десятичасовое окно, когда могло произойти нападение.

Судя по крови в гараже, особенно по еще не до конца свернувшейся луже возле правого колеса, временные рамки сократились до двух часов – судмедэксперт предположил, что на нее напали не ранее трех тридцати после полудня.

Ральф Перри, еще один полицейский Блэк-Холла, находящийся не при исполнении, сидел в своей машине на въезде на частную дорогу, которая вела в Катамаунт-Блафф, и помаhal Конору, когда тот подъехал. Конор опустил стекло, Перри сделал то же самое.

– Как дела? – поинтересовался Конор.

– Напряженное утро. Сами знаете, люди хотят поглазеть. То, что это богатая семья, вызывает еще больший интерес. Это, да плюс обычные нарушители, которые пытаются проникнуть на частный пляж. Я просто говорю им, как добраться до национального парка.

Конор кивнул и беспрепятственно проехал на грузовике убойного отдела. Он увидел дом Чейза. Следователи ходили между гаражом и фургоном в перчатках и бахилах.

Катамаунт-Блафф с одной стороны омывался водами пролива Лонг-Айленд, а с трех сторон был окружен болотистыми землями и пятьюстами акрами густого прибрежного леса. Четыре семьи, которые основали Блафф в конце девятнадцатого столетия, распорядились сохранить природные земли от застройки. Один участок вырубил в 1906 году, и пруды стали источником льда зимой. На исторических картах была показана заброшенная ледяная хижина, а также ряд пещер в выступях скал, которые граничили с одним из солончаков.

Кроме дорожки для повозок, которая вела к ледяной хижине, лес не имел доступов для транспортных средств. Пожалуй, не предлагал он особых удобств и для любого человеческого вторжения. Конор ожидал, что жители Блаффа проложат тропы для пешех прогулок или проходы до охотничьих и рыболовных угодий, но в документах оговаривалось, что эта земля навсегда останется девственной.

Помимо дома Чейза, частную дорогу использовали еще три дома, и их обитателей допросили. Старая ледяная хижина рядом с прудом Локвуда и недалеко от главной дороги была проверена, никаких следов Клэр не найдено. В углу валялись несколько пивных банок и пакетов с мусором от фастфуда, указывающих на то, что в какой-то момент этой хижиной кто-то пользовался. Возможно, это было место для вечеринок подростков.

Прошлым вечером привлекли поисковых собак, но они потеряли след Клэр на грунтовой дороге всего в пятнадцати ярдах от дома Чейзов. Кто-то мог спрятать автомобиль там, где Клэр

ее не увидела бы. Напав из засады, подозреваемый мог погрузить ее в машину и уехать вместе с ней.

И отдельные признаки такого варианта развития событий действительно имелись – несколько автомобилей парковались на этом месте в течение некоторого времени. Когда ему сказали, что там найдены отпечатки шин грузовиков и различных марок и моделей автомобилей, Чейз предположил, что тут парковались рабочие, а также гости, когда Клэр с Гриффином устраивали вечеринки.

Вокруг дома цвели цветы. Клумбы выглядели ухоженными. Конор задался вопросом, был ли у Чейзов садовник или Клэр сама ухаживала за ними. Представить, чтобы этим занимался Гриффин, Конор вообще не мог.

Может быть, группа рабочих по ландшафтному садоводству оставила недавние следы? А может, это был нападавший на Клэр? Похитил ли он ее? Или забрал ее тело? Хотя судебные следователи сфотографировали следы шин и сняли отпечатки, абсолютно точно определить последовательность их появления не представлялось возможным. Конору необходимо было получить список всех профильных специалистов, которые работали на территории Чейзов.

Конор заметил полицейского дорожной службы Пегги Маккейб, которая стояла возле входной двери. Они помахали друг другу. Он работал с ней раньше, после убийства Бет Латроп, когда Маккейб была городским полицейским. Она была местной, родилась и выросла в Блэк-Холле. Конор взял на заметку спросить ее, знает ли она Чейзов.

Прошлым вечером следователи допросили Коффинов и Локвудов. Хоуков не было дома, и Конор намеривался заехать к ним сегодня, чтобы задать несколько вопросов.

Все четыре семьи дружили. Собственно говоря, всего две недели назад они все собрались в доме у Коффинов на ежегодную встречу Общества Катамаунт. Там подавались коктейли и закуски. Эта встреча была также негласным собранием участников предвыборной кампании, на которой соседи поднимали тосты за Гриффина, баллотировавшегося на пост губернатора, и выписывали чеки на крупные суммы.

Весь вчерашний день Нил Коффин провел на работе в Хартфорде, где работал страховым менеджером. Абигейл владела студией йоги в городе и вела занятия, которые начинались в три дня. Она не видела Клэр в течение дня и вернулась домой в половине седьмого вечера, после того как заехала на открытие выставки Клэр. Как Чейзам и Хоукам, Нилу Коффину было за сорок, Абигейл была на пару лет моложе.

Уэйд и Леонора Локвуды, которым было под восемьдесят, выехали из дома на разных машинах, но в одно время: пять вечера. Уэйд отправился на встречу с друзьями в клуб, к которому принадлежал, а Леонора – в город, чтобы присутствовать на открытии выставки Клэр.

Они не видели Клэр весь день, не заметили никаких транспортных средств, кроме грузовика «ФедЭкс», направлявшегося к дому Чейза, когда выезжали со своей подъездной дорожки. Уэйд сообщил, что это было ровно в пять вечера. Он служил на флоте, воевал во Вьетнаме, затем вернулся в свой родовой дом в Катамаунт-Блафф, чтобы завести семью. Уэйд унаследовал землю и здания на песчаной прибрежной территории Истерли. Со временем он построил много складов для коммерческого использования и роскошных кондоминиумов.

Леонора полагала, что видела, как Клэр проезжала мимо в районе полудня, но не могла быть уверена, уезжала ли Клэр или возвращалась в Катамаунт. Еще Леонора не могла с уверенностью сказать, когда это было, она не исключала и вариант накануне. Уэйд выразил недовольство неточностью жены.

Конор не видел перед домом коробки «ФедЭкс», когда приехал туда прошлым вечером. Он позвонил их диспетчеру в Норвич, и та сказала, что доставки не было. Клэр заказала самовывоз, она была постоянным клиентом, часто отправляла свои работы коллекционерам, но водитель не нашел посылку.

Когда Конор шел по дороге, чтобы встретиться с Хоуками, он услышал звуки блюза, доносившиеся из их дома. Катамаунт-Блафф казался таким спокойным и консервативным, что Конор обрадовался этим звукам. На круговой подъездной дорожке стояли два седана «мерседес» и грузовик банкетной службы. Дом выглядел как зеркальное отражение дома Чейзов: крытый черепицей, просторный, построенный более столетия назад, стоивший целое состояние. Конор позвонил в дверь, и спустя минуту дверь открыл мужчина.

– Мистер Хоук? – спросил Конор.

– Нет, – ответил он. – Я разбираю оборудование для вечеринки. А они на заднем дворе. Пойдёмте, я вас проведу.

Если не считать картин на стенах, интерьер дома был чисто белым, как и кухня Чейзов: белые стены, мебель, ковры на деревянных полах. Стены украшали абстрактные картины в красных и розовых тонах, служившие резким контрастом остальному интерьеру. На треноге у панорамного окна стоял телескоп, и Конор заметил, что он был направлен в сторону дома Чейзов.

Стеклянные двери выходили на бассейн с бирюзовой водой, сверкающей на солнце. Столы и стулья были расставлены, и команда рабочих разбирала и складывала их на тележки. У бара стояла парочка и снимала красные, белые и синие праздничные декорации. Женщина повернулась, заметила Конора и что-то сказала мужчине. Она была худой блондинкой, с кольцами на пальцах и браслетами на запястьях, в платье того же малинового оттенка, как некоторые из картин в доме. Конор подошёл к паре.

– Привет, это вы звонили? Вы из полиции? – спросила она.

– Да, – ответил Конор. – Я – детектив Рид. Миссис Хоук?

– Слоан, пожалуйста. А это мой муж, Эдвард.

Они все пожали друг другу руки. Оба выглядели серьезными. Эдвард был высоким, с каштановыми волосами, мускулистым, но слегка округлившимся в талии. На нем были выцветшие красные шорты и расстегнутая белая рубашка навыпуск, на нагрудном кармане вышита маленькая эмблема: черная птица с расправленными крыльями и сжимающая в когтях знамя. Конор уже видел такую раньше.

– Мы хотим помочь, чем сможем, – произнес Эдвард.

– Клэр никогда бы не сбежала, – качая головой, произнесла Слоан. – Никогда. Если вы об этом думаете.

– Почему я должен так думать? – спросил Конор.

– У всех браков бывают проблемы, – ответила она, глядя вниз. – Юристы не всегда понимают, какво это – наблюдать за миром и превращать его в искусство.

– Это она обо мне, – сказал Эдвард.

– Вы юрист? – поинтересовался Конор.

– Да, – кивнул Эдвард в ответ. – Корпоративное право. Мой офис в Истерли.

Конор заметил, что снова смотрит на эмблему на нагрудном кармане Эдварда. Он был почти уверен, что видел такой же на одной из рубашек Гриффина Чейза.

– И на случай, если вы еще не догадались, Слоан – художница, – добавил Эдвард.

– Она нарисовала те шедевры в гостиной.

– Что случилось с Клэр? – спросила Слоан, отмахнувшись от комплимента мужа. – Я не могу вынести неизвестности.

– Две трагедии в один и тот же день, – сказал Эдвард.

– Он имеет в виду Салли Бенсон. Взрыв на катере, – пояснила Слоан.

Интуиция Конора обострилась. Делом Бенсонов занимался старый напарник Конора, и Джен рассказала ему о том, что сказал Дэн Бенсон: «Они добрались до нее». Через несколько часов, когда анестезия прошла, он заявил, что не помнит такого, и сказал, что Салли была расстроена, и возможно ее неосторожность вызвала взрыв.

Две местные женщины, пострадавшие от насилия в один и тот же день, это казалось слишком большим совпадением. Могла бы быть связь между тем, что случилось с обеими женщинами?

– Вы знаете Салли Бенсон? – спросил Конор.

Слоан не ответила. Эдвард уставился в землю.

– Да, – произнесла Слоан. – Мы ее знаем.

– Вы близкие друзья с обеими женщинами? – поинтересовался Конор.

– По иронии судьбы, Клэр и Гриффин познакомили нас с Салли, – ответил Эдвард. – Она выполнила для нас кое-какую работу по оформлению интерьера. – Его глаза покраснели, и Конор почувствовал, что Эдвард сдерживает эмоции. – Но Клэр, да... Мы очень хорошие друзья и с ней, и с Гриффином.

– Это правда, миссис Хоук? – спросил Конор.

– Определенно, – ответила Слоан, и ее глаза наполнились слезами. – Я едва знаю Салли, но Клэр – одна из моих самых близких подруг. Мы поддерживаем работу друг друга. Когда дела идут плохо, мы всегда рядом друг с другом. – Она расплакалась и не смогла продолжать.

– Можете мне пояснить, что значит «когда дела идут плохо»? – поинтересовался Конор.

Слоан уставилась вниз, ее плечи сильно тряслись, она явно пыталась скрыть, что плачет. Эдвард обнял Слоан.

– У Клэр был сложный период с мальчиками Гриффина. Ну, с Фордом, во всяком случае. Ему не нравится, что у него есть мачеха, и он может быть настоящим придурком по отношению к ней. Откровенно говоря, по отношению ко всем. Он съехал из дома. Александр тоже, хотя они с Клэр ладят намного лучше.

– Ну они уже все равно были довольно взрослыми, чтобы жить дома, – шмыгая носом, добавила Слоан. – По крайней мере сейчас они приносят пользу.

– Если присмотр за домом можно считать «пользой», – вставил Эдвард. – Ладно, я полагаю, им за это платят.

– А что такого делает Форд, что беспокоит Клэр? – спросил Конор.

– Он агрессивный, – ответила Слоан. – Два дня назад он заявился в студию Клэр, когда я была там с ней, и наговорил ужасных вещей. Он был пьян.

– Что он сказал?

– Да я едва помню, – ответила Слоан.

– Помочь может любая мелочь, – настаивал Конор.

Слоан откашлялась.

– Глупости о том, что ей здесь не место, что этот дом принадлежит его семье. Что она вышла замуж за его отца сразу после отъезда его матери, потому что хотела денег. Как будто она когда-нибудь...

– Так чем мы можем вам помочь? – резко спросил Эдвард, перебивая жену. – Не хочу показаться грубым. Просто мы очень расстроены. Мы всегда организовываем вечеринку в честь Дня поминовения. В этом году она должна была послужить еще и мероприятием по сбору средств для кампании Гриффина, но из-за пропажи Клэр мы решили отменить праздник.

– Кто-нибудь из вас видел вчера Клэр? – спросил Конор, и увидел, как они в унисон покачали головами.

– Нет, – ответил Эдвард, бросив взгляд на жену. – Я был в офисе, а Слоан бегала по магазинам, готовясь к вечеринке.

– Весь день? – спросил Конор.

– Много хлопот с организацией, – ответила она, глядя на Эдварда. – Знаете, приходится делать вид, что все в порядке.

– В порядке? – переспросил Конор. Она не ответила. – Когда вы были дома?

– Ну, я уехала в середине утра, вернулась пообедать и поплавать, а затем снова уехала. Я отправилась на открытие выставки Клэр с Леонорой и Абигейл. Потом заметила вас в галерее. Собственно говоря, я видела, как вы уходили вместе с Гриффином. Полагаю, именно тогда вы приехали сюда и обнаружили... что она пропала. Верно?

– Вы видели Клэр пока были дома? – спросил Конор, оставив ее вопрос без ответа.

– Нет, – сказала она. – И это разрывает мне сердце. Я думала забежать к ней после обеда, просто чтобы обнять ее и морально поддержать перед показом. Но подумала, что она может быть занята подготовкой к выставке или какими-то последними штрихами к одному конкретному произведению. Оно имело для нее особое значение, и она хотела придержать его подольше.

– И что это была за работа? – поинтересовался Конор.

– «Костяшка», – ответила Слоан. – Пожалуй, она вызывает беспокойство.

Конор кивнул, вспоминая скелет руки.

– А вы знаете, почему она так много значила для Клэр?

– Она сказала, что вдохновением для ее создания послужило что-то, что она увидела в молодости.

– Хорошо, – произнес Конор, вспоминая, что Клэр спросила у него за ужином в понедельник вечером.

– В любом случае, – произнесла Слоан, хмурясь, – я не пошла к ней домой. А если бы сходила, все могло быть по-другому.

– Да, тебя тоже могли ударить дубинкой или ножом и повесить, – сказал Эдвард и перевел взгляд на Конора. – Конечно, вы задаетесь вопросом, откуда я знаю, потому что все это не является достоянием общественности. Гриффин рассказал мне, что вы нашли в гараже. Столько крови. Это ужасно.

– Она должна быть жива, – произнесла Слоан, и на ее глазах выступили слезы.

– Да, мы должны надеяться, – сказал Эдвард. И снова Конора поразило выражение его лица. – Еще что-нибудь?

– Пока все, – ответил Конор. Он хотел было отвернуться, но остановился. – Еще одна вещь, совершенно не относящаяся к делу. Эта эмблема, – сказал он, указывая на карман рубашки Эдварда.

– Ах, это, – промолвила Слоан. – Это его секретное общество.

Рука Эдварда сильнее сжалась вокруг ее плеч.

– Это – герб мужского клуба, к которому я принадлежу. Слоан считает, что женщинам тоже должно быть позволено присоединиться.

– Клуб «Последний понедельник». По правде говоря, мы с Клэр просто считаем, что это глупо, – ответила Слоан.

– Так значит, Гриффин тоже его член? – спросил Конор.

Эдвард бросил на Слоан сердитый взгляд и не ответил. Она напряглась и сдержанно кивнула.

– А Дэн Бенсон?

Никто из них не ответил. Конор поблагодарил их и ушел. Его поразило то, как оперативно Эдвард прервал Слоан, когда она упомянула, что мир тесен, как успешно он сменил тему. Еще интереснее было то, что Эдвард явно не хотел, чтобы Слоан озвучивала, что Гриффин принадлежит к тому же мужскому клубу. Тайное общество.

Он разузнает побольше об этом «Последнем понедельнике», поинтересуется, был ли Дэн Бенсон его членом. И поговорит с Фордом Чейзом, узнает, насколько сильно ему не нравилось, что Клэр переехала в его семейный дом в Катамаунт-Блафф.

Глава 10

Том

Поисково-спасательные работы по поиску выживших при взрыве катера «Салли Би» продолжались уже четырнадцать часов. Никого не нашли, и со вчерашнего дня не было замечено никаких обломков. Том не спал всю ночь. Недостаток сна начинал сказываться, но стоило ему подумать о девятилетней Гвен и семилетнем Чарли, как он сразу приходил в себя. Том стоял на мостике «Нехантика» и пил черный кофе.

Тело Салли Бенсон извлекли из-под обломков. Она оказалась в ловушке на камбузе и сильно обгорела при взрыве. Водолазы искали детей, но не нашли никаких следов. Однако они обнаружили огромную дыру в половых досках, свидетельствующую о том, что взрыв произошел в трюме.

Дэн находился в больнице Истрели, восстанавливался после операции. Кусок алюминиевой обшивки лодки в результате взрыва превратился в стрелу и попал ему в грудь. Сердце не задел, но пробил легкое. По всем сообщениям, Дэн был вне себя из-за своей семьи. Том знал, что и Конор, и Джен сочли изменения в его показаниях о произошедшем подозрительным. Сказав сначала: «Они добрались до нее», затем он заявив, что халатность Салли и привела к взрыву лодки. Том не знал точно, на каком этапе находилось расследование, но предполагал, что пока взрыв не будет признан несчастным случаем, сам Дэн будет оставаться подозреваемым.

Расчетные поисковые модели показали, что, если бы детям удалось спуститься на воду на маленьком желтом спасательном плоту, они бы дрейфовали в сторону острова Блок-Айленд или мимо него. К настоящему времени они уже были бы в открытом Атлантическом океане, а это гораздо более опасный, учитывая, что следующим берегом, который появится в их поле зрения, будет Португалия.

Том внимательно изучил карту. Компьютер учел все возможные факторы окружающей среды и хотел отправить его на юг, юго-восток, а это показалось Тому очень знакомым. То же самое произошло в предыдущую поисково-спасательную операцию, когда искали двух девочек, чье путешествие началось примерно в пяти милях от места, где затонула «Салли Би».

Если бы он последовал указаниям, то совершенно не заметил бы детей, их посчитали бы пропавшими в море. Том же учел и возможность того, что они могли каким-то образом добраться до безопасного места, и проверил малообещающие скопления скальных камней. Именно тогда он нашел девочек на острове Морган.

Том глубоко вздохнул. Он приказал вахтенному офицеру «Нехантика» изменить курс. День был солнечным, а вода настолько спокойной, что море походило на зеркало. Пришло время осмотреть остров Морган. Однажды он уже спас там две детские жизни, почему бы теперь не попробовать с Гвен и Чарли? Но тут раздался радиосигнал, и Том услышал пилота спасательного вертолета «Джейхок», который сообщал, что они только что заметили желтый плот на дальней стороне ветроэлектростанции Блок-Айленда. Похоже, на плоту никого не было.

«Нехантик» был ближайшим к этому месту судном, поэтому Том приказал еще раз изменить курс, и они на полной скорости направились к указанным координатам. Вертолет завис над плотом, на достаточной высоте, чтобы не затопить его.

Том беспокоился, что огромная волна от его двухсотсемидесятифутового катера может привести к тому же результату, поэтому он сбросил на воду надувную лодку жесткой конструкции. Матрос Рикардо Кардосо направил ее к желтому плоту, Том стоял по правому борту, готовый наклониться и схватить канат, когда они подъедут. Его сердце бешено колотилось, но оборвалось, как только они подплыли к борту. Пилот оказался прав: плот был пуст.

Том повернулся к матросу Кардосо и начал отрицательно качать головой, когда услышал звук, похожий на птичий. Кто-то пискнул раз, другой. Он еще больше перегнулся через борт спасательной лодки и увидел ее. Маленькая девочка лежала на боку в тени корпуса плота и так сильно прижималась к нему, что могла бы стать его частью. Мальчика нигде не было видно.

Плот был маленьким. Том боялся, что его вес может опрокинуть надувное средство, поэтому он постарался удержать равновесие, взявшись за поручень спасательной лодки, и опустился прямо в центр плота. Он встал на колени рядом с девочкой – хрупкой, белокурой, одетой в ярко-желтые шорты и оранжевый спасательный жилет поверх бледно-желтой рубашки. Сначала, он не видел, что она дышит, и подумал о худшем, но потом заметил, как быстро бьется пульс на ее шее.

– Гвен? – позвал он. – Меня зовут Том. Я – офицер береговой охраны, и я здесь, чтобы отвезти тебя домой.

Она не ответила и не повернулась к нему, но он услышал птичий звук, исходивший от нее – тихий писк. Том взял ее на руки, почувствовал запах гари от взрыва, увидел, что ее брови опалены, а ресницы обгорели. Ему сдавило грудь при мысли о том, что сообщила ему Хантер: Дэн сказал, что Салли сделала это преднамеренно.

Кардосо перегнулся через перила, и Том передал Гвен ему на руки. Плот был не более четырех футов в длину и несомненно пуст. Чарли там не было. Том собирался связаться по радио с вертолетом и остальными судами и знал, что они сосредоточат свои поиски в этом районе.

Забравшись обратно на спасательную лодку, Том подошел к Гвен и постарался встретиться с ней взглядом. Ее глаза были открыты, но она смотрела только куда-то вдаль.

– Гвен? – снова спросил он. – Ты в порядке. Мы отвезем тебя домой. Гвен, можешь рассказать мне о своем брате? Где Чарли?

Она очень сильно дрожала – Том даже подумал, что у нее начался припадок. Через мгновение дрожь стихла, но Гвен все еще не хотела или не могла встретиться взглядом с Томом и не ответила ему. Но писк не прекращался – он повторялся снова и снова, как будто был ее дыханием, как будто говорил ей, что она все еще жива.

Том снял свой спасательный жилет и форменную рубашку. Хотя Гвен была такой маленькой, что утонула в них, он застегнул и крепко затянул их вокруг нее, чтобы держать ее в тепле и безопасности. Он крепче обнял ее, пока вертолет опускал спасательную люльку.

Том забрался в люльку вместе с Гвен и заслонил ее своим телом, пока лебедка, грохоча, поднимала их вверх. Он прижал ладони к ее ушам, чтобы гулкий звук винтов не напугал ее, и не отпускал, пока не занес Гвен в кабину вертолета и не положил на каталку, чтобы врачи могли позаботиться о ней. Том взял Гвен за руку, она была ледяной. Гвен не сжала его руку и не отдернула ее.

Она не вздрогнула, когда врачи измерили ее основные показатели состояния организма и ввели иглу в вену, чтобы поставить капельницу. Они все обращались к ней, стараясь произносить ее имя:

- Гвен, теперь ты в безопасности.
- Гвен, ты знаешь, где находишься?
- Привет, Гвен. Сколько тебе лет? Девять?
- Гвен, какой твой любимый цвет?

Но она не ответила ни на один из вопросов. Она просто продолжала смотреть в никуда или, по крайней мере, на что-то, чего ни Том, ни другие спасатели не видели, и попискивала как птенец на языке, понятном только ей.

Затем она произнесла одно слово: «Русаль». После тихие звуки возобновились.

За четыре дня до нападения

Глава 11

Салли

Любовь и впрямь была серией ошибок. Так Салли думала в последнее время. Даже понимая, что портила свою жизнь, она была бессильна остановить это. И вот она на пристани «Западный ветер» на лодке в двух доках от того места, где они с мужем держали «Салли Би», ждала свою настоящую любовь, мужчину, который не был ее мужем. Дэн был на работе, их дети в школе, а она едва дышала от желания и чувства вины. Салли была зависима, с таким же успехом она могла ждать торговца наркотиками.

Сидя в кабине «Безмятежного» – сексуальной шестидесятипятифутовой спортивной рыболовной лодки, за оформление интерьера которой ей заплатили, она в сотый раз за этот день задала себе вопрос, что же она делает. Она всех на верфи знала, и все знали ее. Салли припарковалась на своем обычном месте, рядом с их пришвартованной семейной лодкой, которую муж подарил ей на пятнадцатилетнюю годовщину и назвал в ее честь.

Затем ей пришлось пройти мимо рабочих верфи и парней, которые работали на «Салли Би». Она чувствовала на себе их взгляды, наблюдавшие, как она с высоко поднятой головой идет по совершенно другому причалу к чужой яхте. Она поздоровалась с Илаем Дином, владельцем верфи, и была уверена, что его обычно дружелюбная улыбка превратилась в ухмылку.

Салли взглянула на себя в зеркало в основном салоне: у нее были белокурые волосы (того же цвета, что и в детстве, только теперь, чтобы его поддерживать, приходилось раскошеляться), большие голубые глаза, которые, по ее мнению, отражали душевную чистоту по отношению к окружающему миру и тем, кого она любила, и белый сарафан из ткани пеке, показывающий, что у нее почти не было загара. Как такая милая женщина, которой она всегда была, превратилась в изменщицу и не могла остановиться?

Она усердно трудилась, чтобы построить свой бизнес, и была очень рада, что стала высококлассным дизайнером для группы богачей. Даже некоторые из старейших аристократических семей побережья желали переделать свои дома, а в последнее время и яхты в ее фирменном стиле. Проектирование интерьера «Безмятежного» было сопряжено с определенными трудностями, а именно, с женой Эдварда – Слоан.

Салли чувствовала себя здесь как дома, хотя, у нее, естественно, не было никаких прав собственности. Каждый дюйм внутреннего пространства носил отпечаток Салли. Эдвард настоял на этом. Слоан любила яркие цвета, особенно насыщенные оттенки розового, и она предпочитала уют. Эдвард хотел не этого.

Когда Салли создавала дизайн для дома Хоуков в Катамаунт-Блафф, ей пришлось убедить Слоан, что белый является идеальным базовым цветом для жизни на побережье. Он ловил и отражал свет, переливающийся на поверхности воды. И многие не понимали, сколько вариантов было в белой палитре – всевозможные оттенки с голубым или зеленым, или желтым, или даже розовым отливом. В зависимости от вашего выбора, можно сделать комнату теплой или прохладной, либо и то, и другое одновременно. Салли ожидала, что Слоан, как художница, поймет это.

Краски Бенджамина Мура имели более ста оттенков белого. А их названия были поэтическими: белое облако, кружево шантильи, белая цапля, сдержанный серый, белый бриллиант, крыло голубя, морская жемчужина. Салли обожала их, пожалуй, самый знаменитый оттенок – белый лен. С бледным, практически незаметным желтым отливом он распространял тепло по комнате и ласкал взор.

И почему она так сильно любила белый цвет? Ответ казался кощунственным, учитывая, что она ждала своего любовника на борту «Безмятежного», но дело было в ее матери. Когда Салли было пятнадцать, и ее мать умирала от рака, она сидела рядом с ее больничной койкой.

Ее отец и младшая сестра Лидия спустились в кафетерий. Широкий подоконник был заставлен открытками с молитвами и пожеланиями скорейшего выздоровления. Это была католическая больница, и на стене над кроватью висели распятие и портрет Девы Марии. Салли читала молитву по четкам, пока ее мама спала.

– Салли, – произнесла мама, когда проснулась, и взяла ее за руку. Она посмотрела на нее любящими голубыми глазами, которые, казалось, затуманивались с каждой минутой. – Когда я попаду на небеса, и они будут полны ангелов, я не встречу никого лучше тебя.

– Я не хочу, чтобы ты уходила, – прошептала Салли. – Пожалуйста, останься...

– Милая, если бы я могла, то так и сделала бы. Но именно поэтому мы должны поддерживать связь, несмотря ни на что. Именно поэтому я хочу, чтобы ты оставалась такой же, как сейчас, умной и доброй, чтобы, когда я посмотрю с небес вниз, сколько бы времени ни прошло, я всегда узнавала бы тебя. Ты – мой ангел, Салли.

– А ты мой, мама.

Ее мать умерла до того, как отец и сестра вернулись в палату. В тот день на Салли была летняя школьная форма – белое хлопковое платье. Именно в белом мать видела ее в последний раз. Так что даже сейчас Салли склонялась к белому цвету и много носила его.

И после окончания школы дизайна Парсонса, поработав в известной нью-йоркской дизайнерской фирме и основав свою собственную компанию, Салли обнаружила, что ее привлекает красота ангельски белых комнат, красота цвета, который был на ней в день смерти ее матери.

Она хотела, чтобы мама, наблюдая за ней с небес, всегда могла увидеть и узнать ее. Она надеялась, что мама сможет простить ее за то, что началось в Катамаунт-Блафф: любовь и неприятности.

Именно там она влюбилась в Эдварда. Все начиналось медленно, но она заметила, что он стал часто появляться дома в районе обеда, когда Слоан находилась в студии Клэр или занималась йогой в салоне красоты и здоровья Абигейл Коффин в Блэк-Холле.

Он сидел за кухонным столом, наблюдая за Салли с таким восхищением в глазах. Однажды он подошел к ней и прикоснулся к тыльной стороне ее руки, когда она протянула ему образцы ткани. Сердце Салли практически остановилось.

Ее переполняли чувства, у нее никогда не было романа на стороне, она всегда была верна Дэну несмотря на то, что чувствовала себя нелюбимой. Салли не чувствовала себя такой взволнованной, такой желанной с тех пор, как родились Гвен и Чарли. Она поймала себя на том, что постоянно думала об Эдварде. Она потеряла сон, мечтая о том, что может произойти. Лежа рядом с Дэном, она практически ощущала, как Эдвард обнимает, целует, раздевает ее.

С течением времени Салли показалось, что они с Эдвардом пришли к негласному соглашению: он будет приходить домой на обед, и Салли там будет. Каждый день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.